

Наталия Рай

Верна — дочь боярина

Так могло бы быть

Наталия Рай

**Верна – дочь боярина.
Так могло бы быть**

«Издательские решения»

Рай Н.

Верна – дочь боярина. Так могло бы быть / Н. Рай —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937232-1

Сюжет остановлен на сцене возглавления Верной и Ростиславом княжества. Почему? Наверное, в глубинах моего сознания замыслена вторая книга. Но для этой становление Верны такой, какой она стала ещё в юности, произошло. Что состоялись все события, которые с её участия в них начались и завершились. Что княжество россов благодаря этим событиям кардинально изменилось. А всё последующее, что будет в обновлённом княжестве, будет (если будет) описано во второй книге.

Содержание

Верна, дочь боярина	6
Глава 1	7
Поручение	8
Глава 2	40
Замужество	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Верна – дочь боярина Так могло бы быть

Наталья Рай

© Наталья Рай, 2020

ISBN 978-5-4493-7232-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верна, дочь боярина

Всё описанное – вымысел автора!

Глава 1

Поручение

Семья старшего княжеской дружины Феодора в полном составе завтракала. Феодор был настоящий русский богатырь – косая сажень в плечах, благородное лицо, статная фигура, что было очевидным даже теперь, когда он сидел за столом, ловкость и сила его тела. Сыновья были ему под стать, только, из-за возраста, были несколько уже в плечах и не достигли ещё настоящей силы. Женская половина тоже останавливала на себе взгляд: красивыми были все – от супруги боярина Ксении Сергиевны, до самой младшей из всех детей Ирины. От второй дочери, Верны, вклинившейся между сыновьями Преславом, Даниилом, Григорием и Игорем, просто глаз было не отвести: златовласая зеленоглазка словно сияла не только на весь терем, но и на всё городище своим постоянным весельем, радостью, добротой, готовностью приветить любого гостя...

Не успела семья старшего княжеского дружинника Феодора закончить трапезу, как возле терема послышался быстрый галоп коня, тут же и прекратившийся. Глава дома удивлённо приподнял левую бровь: что-то случилось?

Вошёл, постучав, боярский дружинник Дроник.

– От князя Остромысла гонец.

– Зови.

Гонец запыхался так, словно не на коне скакал, а бежал, обгоняя того самого коня, на котором прибыл.

– Князь просит тебя, боярин, прибыть к нему как можно скорее. Я могу подождать?

– Я сейчас.

Гонец поклонился и вернулся к своему коню. Феодор же прошёл в оружейную, где выбрал, для визита к князю, парадное воинское убранство с мечом, украшенным по рукояти несколькими крупными драгоценными камнями. За это время старший сын Феодора Преслав, сбегав в конюшню, быстро и умело оседлал любимого отцова коня. И к минуте, когда Феодор спустился во двор, Преслав успел коня подвести к ступеням крыльца.

Феодор, сопровождаемый гонцом, поскакал ко княжескому двору, хотя дорога была ему отлично известна.

– Добро, боярине, что быстро откликнулся на мой зов. Дело есть к тебе и дело очень важное и трудное.

– А разве у воев бывают дела неважные и лёгкие? – Феодор позволил себе слегка улыбнуться, поскольку слова его следовало принять как добрую шутку.

Князь кивнул, понимаю, мол, сам всегда готов пошутить, но дело действительно важное.

– Дозорные наши на южных границах, забравшись несколько дальше, чем это для них безопасно, узнали недоброе: явно готовятся кочевники снова на нас нападать. Может быть, и не завтра, но скоро. А ты не хуже меня знаешь, что это означает – набег кочевников. А потому, уж коли сподобил Господь нас об этом узнать, следует нам непременно лютых нападающих предупредить. За тем я тебя и позвал.

– Как же их предупредишь? В степи границ нет.

– Так вот и надо сделать. Коли не границу, то хотя бы препон несколько поставить. И не сторожевых препон, а боевых.

– Говори, княже!

– Подумалось мне, что, если бы несколько крепостей поставить как раз у них на пути: хотя и нет в степи дорог, да есть направления. И каждый раз одни и те же направления ордынцы выбирают. В нашу сторону. Так что некоторые из этих направлений вполне можно считать и торными путями. Вот на самом главном из них и мыслю возвести самую мощную крепость, а на менее главных – поменьше. И несколько дозорных постов иметь вдали от городища будет

очень хорошо, и первый удар отражать будет полегче. Конечно, воям в тех крепостях нелегко придётся, да зато в городище людей сохраним и ордынцев отучим нападать.

– Коли мне это говоришь, меня ту крепость ставить посылаешь? Правильно понимаю?

– Правильно. Готов ли ты?

– Готов. Я воин. Не мне ли навстречу опасности и идти?

– Тогда давай подумаем, что и как надо сделать, чтобы крепости той восстать как можно быстрее.

– Ехать нужно с дружиной – от греха! В самом начале, как прибудете на место, надо будет выбрать несколько самых высоких деревьев на краю леса и на них устроить сторожки. Да посадить там по двое-трое наблюдателей. А потом уж и за возведение крепости браться. А то порешат рабочий люд ещё в самом начале, так что воям самим не управиться будет.

Место, на котором мыслю возвести крепость – уже подыскали наши дозорные – хорошее: на излучине реки, такой как бы полуостров, густо поросший лесом. Так что поначалу надо будет по берегу насыпать как можно более высокий вал. И сразу за валом поставить из кольев крепкую ограду, тоже как можно более высокую. С башнями сторожевыми через каждые пятьдесят метров. Из непригодных для ограды брёвен срубите гридни для воев, да и прочее, что понадобится.

Останется четвёртая сторона, от леса. Но к моменту, когда вы насыплете вал и поставите частокол, по бокам от ворот поставите тоже по сторожевой башне. Да башни-то ставьте как можно выше, а то ордынцев заметить трудно, особенно если они в дозоре, в разведке. Умению скрываться на местности и нам бы не грех у них поучиться.

Но это только самое начало. Там вблизи можно и камень добывать, так что надо будет ещё более широким кругом оградиться уже каменным валом. Конечно, понадобятся камнеломы, да посылать их, пока никакого укывища для них нет, это их на верную смерть посылать.

Так что сам понимаешь. Чем быстрее ты всё потребное соорудишь и оборудуешь, тем меньше у ордынцев останется возможностей нападать на наши земли.

– Крепость возведём. Это мудрая мысль. Но если вои будут землю копать да камень ломать, то вои из них плохие будут.

– Нет. Копать землю будут не они. Людей я тебе дам. И только добровольцев. Кто из работных людей на вече вызовется с тобой идти, тех и возьмёшь. Вои же своё, воинское дело, будут исполнять: стеречь всех будут от внезапных нападений. А потом уж легче будет, внутри вала-то. Ратному делу учить тебя незачем, сам всё знаешь.

– Когда вече?

– Завтра. Всех своих воев на вече зови. И всех означает именно всех, вплоть до самых новобранцев. Знать они должны, на что идут. Если кто не согласится, тому освобождение полное будет. И не только из твоей дружины, а из воев вообще.

– Вряд ли кто откажется, – усомнился Феодор.

– Поглядим завтра.

– А Броня с Мечеславом тоже посылаешь крепости строить?

– Непременно! Отступите друг от друга вёрст на тридцать, или меньше, глядя по местности, и приступите. Тут главное, чтобы вести было возможно быстро друг другу доставлять и чтобы, позже, земли оказалось достаточно для постройки поселений и наделения всех добрым куском под имение. Дабы не было позже за ту землю свар и браней.

На вече собралось всё мужское население городища. От младней, едва достигших отроческого возраста, до седобородых старцев-мудрецов. Причём всех сословий люди собрались: дело было архиважное.

Князь взшёл на возвышение, на котором уже собрались самые уважаемые мужи, со всеми поздоровался, и подождал, пока стихнет шум голосов на площади. Наконец, убедив-

шись, что разговоры, хотя и вполголоса, всё ещё вспыхивают то тут, то там, властно поднял руку, давая знак, что желает начать речь.

– Соотечественники! – начал князь своё слово. – Собрались мы тут, дабы решить важнейший, просто-таки жизни нашей либо смерти, вопрос. Почему его надо решить немедленно? Потому что сторожевые люди донесли мне, что ордынцы начали готовить новый набег. Мыслию так, что именно на нас, ибо именно мы для них самая привычная жертва.

Мы не можем допустить нового разорения нашей земли. Только-только отстроили мы дома и храмы, только-только оплакали по убитым и угнанным нашим родным, только-только подросли младни, которые должны заменить своих убитых сверстников, которые должны были бы стать воями, но жизни их были оборваны злыми кочевниками. И вот перед нами другие младни, которых мы тоже чаем увидеть храбрыми воями и защитниками земли нашей. Но стать успеют ли они достичь возраста, чтобы ими стать?

Ибо новое бедствие близится!

Но мы больше не позволим им на нас напасть.

Вот что я мыслю!

Нынче, здесь, в этот час, мы объявляем набор добровольцев, которые будут сведены в три ратных дружины и отправятся навстречу кочевникам. Почему дружин будет только три? Потому что после последнего набега под моим началом осталось только трое бояр – остальные погибли, как всем вам известно. Зато в дружинах этих, кроме ратников, будут и работные люди, которые выступят вместе с воями. Но пока не для битвы, а для постройки крепостей. Так что в добровольцы понадобятся и те, кто может строить или помогать при возведении.

Но брать будем не всех, ибо негоже жён наших и детей оставить без всякой охраны, защиты и помощи!

Всё, что может быть потребно для возведения крепостей, надо будет взять с собой. Каждое сословие берёт с собой те орудия, какими оно работает здесь. А также обязательно понадобятся мастеровые, которые умеют ковать – и не только оружие, но и всё, что требуется при строительстве да и в обыденной жизни крепостей. А также каменотёсы, древодёлы и мастера по всем иным ремёслам.

Вои же будут исполнять своё ратное дело и не исключено, что возможны боевые схватки с дозорными отрядами ордынцев. А поскольку мы похвальбу отвергаем, то и надо предупредить такое положение, когда раненные могут осложнить положение дружины. А потому следует озаботиться тем, чтобы были и походные лекари, дабы раненные были как можно скорее излечены и снова сели на коней, оружие было либо исправлено, либо чтобы вой немедленно получал бы новое.

Все добровольно вызвавшиеся идти туда работные люди будут также разделены на три части и будут присоединяться к одной из трёх дружин. Они станут подчиняться боярину, стоящему во главе этой дружины точно так же, как ему подчиняются вои. С дружинами и отправитесь.

Что скажете, мужи? – обернулся князь к собранию мудрецов, стоящему на том же возвышении, с которого он говорил.

Старцы, как один, кивнули согласно головами: мудро придумано! Давно след было так сделать!

– Силы – и ратные, и работные – будут распределяться поровну: половина мужей всех сословий и занятий должна остаться дома: ибо поход сей будет очень долгим, самое малое, с ранней весны до поздней осени. Посему не должно возникнуть никаких обид или иных подозрений, что отбор проводится по чьему-то личному хотению. Те, кто останется дома, должны будут усиленно работать, чтобы обозы, которые будут отправляться к строителям крепостей, каждый раз оказывались нагруженными всеми необходимыми припасами и получали надёжную охрану. Так что легко не будет ни оставшимся, ни ушедшим в поход.

Всем, кто хочет и может отправиться, подходить к боярам, старшим над каждой из дружин. Сразу скажу, что работного люда, мастеровых в каждом из потребных в походе ремёсел будем брать по два-три человека, а потому сначала подумайте, можете ли оставить дом и семью. Тех, кто есть единственный муж в доме, брать не будем. Единственных сыновей – тоже. Нам ещё нужно о городище нашем подумать: мы должны расти и укрепляться, а в походе очень высокая возможность погибнуть в сражениях с ордынцами. Для воев это дело привычное и, так сказать, ожидаемое, для горожан же, к делу военному не обвыкших, эта опасность ещё усиливается. Так что в пути будем и обучение проводить.

Князь окончил своё слово. И сразу после того, как он отошёл к старейшинам, все трое бояр расположились за поставленными у возвышения, на котором находились князь и старейшины, столами, к которым и стали подходить добровольцы.

Отбирали не просто лучших в своём ремесле, но тех, кто при этом ещё хоть немного был знаком с воинским делом, помимо высокого уровня мастерства. Так что отобранных оказалось не так уж и много: примерно по полсотни человек в каждой из дружин.

Старейшины же определяли, сколько казны может быть истрачено на поход, на закупку лошадей, уже готового воинского снаряжения и всех тех орудий труда, которые понадобятся при возведении крепостей. Отбирались также и лучшие тягловые лошади, которым предстояло выполнять самую тяжёлую работу.

Перед днём, в который намечался выход обоза, князь собрал всех трёх бояр, старших над дружинами, и спросил, озаботились ли они выслать разведку, дабы не подвергать обозы даже малейшей опасности. Всё трое ответили, что это сделано и вернувшиеся вои ничего подозрительного не заметили. Но мы, – добавили бояре, – непременно – каждый и все вместе – намерены на всём пути постоянно держать вокруг обоза боевое охранение и разведку, высланную несколько вперёд. Продумано всё возможное, чтобы обозы обезопасить и доставить на место в полной сохранности.

– Добро! – Остромысл, тем не менее, от озабоченности не избавился. – Набранных людей будет каждому из вас довольно? Особенно тебе, Феодор, ведь тебе надлежит ставить центральную, самую мощную крепость. Так и людей потребно поболее.

Феодор подробно перечислил, сколько и кого из ремесленников он набрал к себе в дружину. Получалось, что несколько больше, нежели у бояр Броня и Мечеслава. Перечислили и они, кого и сколько набрали. Но им предстояло возводить крепости на менее опасных направлениях (хотя кто может определить степень опасности, когда имеешь дело с кочевниками?), да и система постоянной связи с центральной крепостью, Феодора, была продумана толково.

– Я ещё вот что мыслю, – сказал князь. – Когда все три крепости надёжно перекроют возможность набегов, земли вокруг них будут отданы каждому из вас в полное и наследственное владение. Одинаковыми по размеру будут эти земли, дабы промеж вас заранее свары не началась. Даже больше скажу: после окончания строительства этих крепостей мы должны будем строить новые, а впредь всем строившим и воям так же будем выделять земли. Каждый должен иметь, чем наделить своих вошедших в возраст сыновей, дабы честь боярскую они могли соблюдать с полным достоинством.

А что только одна пока крепость будет очень мощной, так тому причина простая: сил у нас на три столь же мощных крепости пока не достаёт. Но со временем, я надеюсь, и Бронь, и Мечеслав свои крепости превратят в такие же неприступные твердыни. И все трое должны сразу смотреть, как бы частоколом отгородиться не только на своей стороне реки, но и на другом берегу. О необходимости возведения как можно более высоких сторожевых башен не напоминаю: вы и сами, небось, о том постоянно думаете.

Больше скажу: уповаю, что потом из своих воев выберете самых толковых и отправите их ставить крепости впереди уже ваших земель. Вся эта земля стать русской должна стать, аж до самого моря. Так что и воев, могущих крепости созидать и сделать их неприступными

для врагов, понадобится много. А кочевникам тоже вольной степи останется довольно – ей, похоже, конца-края нет, степи этой...

Князь помолчал и спросил:

– Так когда намереваетесь отбывать?

– Даст Бог, завтра по росе.

– Добро. Провожать вас будет кому и без меня, но и я хотел бы обняться с вами всеми перед походом. Очень он важен для всех нас, для каждого, для самой жизни нашей.

– Да, – решил всё-таки Феодор. – Вы только не смейтесь все, хорошо? У меня тут есть некая новость. – Феодор помолчал, раздумывая, говорить или всё-таки промолчать, но, в конце концов, решил.

– Сын мой, Преслав, как вы все знаете, очень до железа всякого охоч. Ну и до выдумок с железом этим тоже охоч. Так он придумал вот что: такое большое железное колесо со штырями, вернее – с подставками для ног. И эти подставки вращая, двигаться на том колесе можно даже быстрее, чем на лучшем из коней.

Бояре недоверчиво переглянулись с князем и огромным усилием воли сдержали улыбки.

– Я и сам хохотал поначалу, – сказал Феодор, заметив их желание улыбнуться. – Пока не увидел, как оно может быстро катиться. И тогда я подумал: хорошо бы, чтобы вот такое колесо было у всех наших младней, которых вои отправляют с новостями. Главное – с коня человека в степи далеко видно, а колесо лишь на локоть возвышает. Разница, согласитесь, если вестнику укрыться надо от злого глаза. Да что ж это я словами вас морочу, – сам себя прервал Феодор, – а пойдёте-ка к моему двору, да сами поглядите. И если ты, княже, со мной согласишься, что вещь вроде бы нужная, то надо бы таких колёс наковать да раздать во все дружины. Людей-то, а молодых особенно, нам беречь надо!

Сойдя с коней, все четверо не стали в терем входить, но сразу же Феодор велел Преславу, немедля выбежавшему во двор, колесо прибывшим показать да и прокатиться на нём. Сын смутился, но подчинился. Буквально через минуту выкатил перед гостями колесо, несколько меньше тележного, и как бы двойное, так что оно само по себе стояло и не падало.

– Пробегишь-ка на колесе по двору, пусть гости поглядят, что это у тебя получилось.

Преслав взялся за высокую, наверху раздвоенную, с двумя ручками, стойку, ухватился за эти ручки, как-то разом обеими ногами запрыгнул на подставки и тут же поехал с такой скоростью, что самый лучший конь с места взять такой галоп вряд ли смог бы. Гости внимательно смотрели, как это колесо движется вперёд и лишь переглядывались.

Сделав несколько кругов, Преслав остановился, даже не запыхавшись.

– А главное, есть-то колесо не просит, шуму особого от него нет, звука никакого не подаст, не испугается. Так что вот. Скажи слово, княже, как тебе показалось?

Князь внимательно смотрел на колесо и думал.

– А что, не ломалось у тебя колесо пока? – спросил он у сына Федора, пристально на него глядя.

– Пока нет. Двор у нас ровный. А если по бездорожью, по степи, то надо будет поглядеть, как оно покажет себя.

– А давай ты нынче же и попробуешь. Выдели, Феодоре, пару верховых в охрану, да пусть втроем в степь и съездят. Если выдержит его колесо хотя бы час степное бездорожье, так прямо сегодня и созову железных дел мастеров да повелю колёс таких наделать для всех. Чтоб у каждого воя такое с собой было, а то всяко бывает: убьют коня в сече и остаётся воин безо всякой возможности передвижения и тем дружину свою поневоле задерживает – что в отходе, что в нападении. А кстати, для приступа хорошо колесо-то будет, а? Кочевники-то конников ждут? А тут и не видать никого, а глядь – дружина вдруг появилась да ударила?!!

Провожать обозы на площадь пришли все, включая жён с младенцами на руках. С удивившими родные попрощались и дома, но пришли, тем не менее, на площадь, потому что уви-

деться придётся не скоро. А если, не дай Бог, что случится, то, может, и вовсе встречи не будет. Но все уповали на лучшее и все чаяли возврата домой воев и работных людей, ухотивших на важное для всего городища дело.

Ни князь, ни старейшины на помост не поднимались – всё уже было сказано – а стояли в центре площади, давая последние наставления боярам, старшим дружин.

Те, видя, что все готовы в путь, посмотрели на Остромысла: командуй, мол, княже, отправляться.

Князь взмахнул рукой:

– С Богом! Да вестников присылайте, если помощь понадобится. А если всё будет благополучно, то уже с обратным обозом узнаем, что вы прибыли на место без урона и нападений.

Феодор легко тронул шпорами любимого коня и возглавил обоз. Все его люди тронулись следом. Его примеру последовали Мечеслав и Бронь. Ехать им вместе предстояло примерно три четверти пути, а там их дороги разойдутся: Феодору – прямо, Мечеславу – направо, Броню – налево. Они уже договорились о системе сигналов, которые будут подавать в случаях спокойной обстановки и возникшей тревоги: в первом случае – либо один длинный сигнал рога, либо долгое явление пылающего факела, затем опущенного, во втором – то же, но прерывистое.

Путь дружинам предстоял длинный и опасный, потому и был, когда и путешественники, и провожающие собрались, прямо на площади отслужен молебен о путешествующих, на котором все – и остающиеся, и уезжавшие – возносили жаркие молитвы о сохранении всех во здравии и благополучии и об исполнении задуманного.

Когда обозы скрылись из глаз провожавших, князь, взойдя на возвышение, поднял руку, призывая всех к тишине. Пока народ, уже собравшийся по домам, удивлённо перешёптывался, пытаясь угадать, о чём князь хочет говорить, Остромысл на возвышение не призывал, тем не менее, туда же и старейшин.

– Братия и сёстры! Уехали наши мужи на дело великое и да поможет им Бог. Но и мы должны думать, как и чем им помочь.

Не удивляйтесь моим словам. Я отлично знаю, что каждый из вас готов жизнь отдать за наше Отечество. Но давайте мы лучше будем жить и побеждать! А чтобы побеждать жестоких кочевников, мы должны иметь против них такое оружие, какого они раньше у нас не видели и не знают, что оно у нас появилось...

Князь поискал взглядом сына Феодора и найдя, махнул ему рукой, подзывая к себе на помост. Преслав вышел, держа колесо в разобранном состоянии, так что никто не понимал, зачем ему это колесо, да ещё такое странное.

– Вот что придумал сей славный младень: я сразу понял, что это даст нам немалую выгоду перед кочевниками. Да и тут, дома, мы им тоже можем пользоваться на всякую потребу. Ну-ка, прокатись!

Преслав укрепил стойку и покатил по помосту, вызвав удивлённый гул восклицаний у тех, кто видел, на чём он едет.

– Мыслью так, – продолжил Остромысл, – подняв руку, дабы прекратить шум, – что нам надо наготовить таких колёс довольно много, чтобы со следующим обозом отправить их дружинам: нет ничего лучшего для преодоления пути гонцами. Кочевники, всегда выглядывающие верхового, видимого среди самых высоких трав, вполне могут вовсе не заметить человека словно бы пешего и так скоро бегущего. Да они, вероятнее всего, и не подумают, что это человек, а решат, что зверь какой-нибудь. Так что гонцы наши останутся целыми и невредимыми и благополучно доберутся к тем, к кому их отправили с вестями.

И, помолчав, спросил у старейшин:

– Что скажете, мужи? Что скажете, железных дел мастера?

Мастера подошли поближе к помосту, стали рассматривать диковинное колесо и расспрашивать Преслава, спрыгнувшего к ним, почему колесо двойное и зачем ему прутки, соединяющие две плоскости. Преслав спокойно объяснял, что двойное оно для устойчивости, а прутки мешают половинам распасться и гасят толчки от неровностей при движении. Всё это он выковал на домашнем горне, хотя и негоже вроде боярскому сыну чёрной работой заниматься. Зато своя рука владыка: пока объясняешь работнику, как надо ковать, уже сам сделал, как требовалось. Стойка необходима для управления колесом и для удерживания при движении, а подножки двигают колесо вперёд.

– Понимаю, что это не самое лучшее, что можно придумать, но я ведь и не железных дел мастер, – почти оправдывался Преслав.

Железоделы внимательно всё рассмотрели, подивились, как сами до такого не додумались и тут же сообразили, как можно сделать колесо ещё более быстрым: для этого потребовалось крепление стойки оставить там же, в центре, а подножки сместить ближе к краям плоскостей колеса. Ну и удлинить прутки, сделав его ещё более устойчивым.

– Добро, – сказал князь. – Я рад, что вы одобрили мою мысль. Скажите же мне – как скоро и сколькими мастерами можно будет выковать хотя бы по десятку на дружину таких колёс?

– Да дело-то нехитрое – выковать две плоскости, но может, мы ещё маленько помозгуем, как бы колесо это сделать ещё более выносливым и быстрым. Ведь скорость, мыслю, тут главной должна быть? Ну и не должно оно развалиться, если за гонцом погонятся кочевники? Сам говорил, княже, что людей нам терять никак нельзя!

– Не только говорил, но это важнейшим считаю! И всех прошу так же считать! Человека вырастить – сколько времени надо, а воя либо работника из него сделать – ещё несколько лет надо. Мы никак не можем людей терять! Они нам живыми и невредимыми все нужны!

– Тогда позволь нам всем вместе денёк помозговать. А после придём к тебе и покажем, что надумали.

– Добро!

И уже ко всем собравшимся на площади обратился:

– Молодчина, боярич, ишь какую штуку выдумал! Того же жду и от вас, и не только от мастеровитых людей, но и от всех вообще. Думайте все, как воям нашим помочь кочевников победить! Как их пребывание в крепостях удобным и как можно более лёгким сделать!

Многие ведь помнят ещё, чего нам стоил их прошлый набег. И я зарок тогда себе самому дал, что набег тот будет последним! Если и вы уверены, что мы должны эти налёты прекратить, помогайте же все нашим дружинникам этого достичь!

Тяжело гружённые обозы двигались медленно и это усиливало опасность. Конное охранение всех трёх дружин двигалось перед обозом и с обеих сторон, внимательно наблюдая, не покажутся ли где ордынцы. Кроме того, далеко вперёд обоза была во все стороны выслана разведка, которая пользовалась любым возвышением, чтобы как можно дальше обозреть степь, выискивая любое подозрительное движение. Пока всё было спокойно. Но тот, кто доверился бы этому спокойствию, мог бы останавливаться в любом месте и начинать рыть себе могилу. Кочевники, обитатели степи, умели так прятаться, так сливаться с местностью, что иногда можно было их в метре от себя не углядеть. А за это цена одна – жизнь.

Боярин Феодор, возглавлявший не только свой отряд, но и весь обоз, напряжённо думал и что-то решив, послал гонцов позвать бояр Мечеслава и Броня. Те вернулись вместе с гонцами.

– Братья, я чего мыслю: никогда не было мудрым силы дробить. Что скажете на предложение ставить не все три разом крепости, а по очереди, но зато всеми силами? Это же больше тьмы людей и столько же лошадей в одном месте окажутся! Мы крепость-то с такими силами за две недели возведём! И предлагаю вот как действовать: ставим одну крепость, в ней остаются вои, половина дружины того боярина, чья будет крепость, вторая же половина дружины

и все работники с остальными дружинами и людьми переходят на следующее место и ставят вторую крепость. В ней тоже остаётся половина дружины того боярина, который крепостью будет управлять, а все остальные переходят и возводят третью крепость. Больше рук, выше скорость строительства. Да и тогда мы смогли бы не одну мощнее, а две других поменьше построить, а все три одинаково мощные. Что скажете, братья? Не будет ли так разумнее?

Бояре переглянулись, подумали и согласились.

– Да и обоз тогда на три части разбивать не придётся, подвергая тем самым все три части опасности нападения. Вместе же и отбиться легче, если всё-таки не углядит наша охрана и ордынцы нападут. Они-то ведь не знают, что в обозе, небось, подумают, что сокровища. Но то, что мы везём, можно и сокровищами считать: у них железное оружие в большой цене! Не ведаю, если ли у них кузнецы, но все наши древодельные и прочие орудия они могли бы продать или выменять на то же оружие!

– Если же вы согласны, а я убеждён, что князь одобрил бы такое наше решение! – сказал Феодор, – начнём с левой крепости. Мы как раз приближаемся к тому месту, где думали изначально разъехаться. Но теперь все в одну сторону повернём. Но надо бы и всех старших дружинников нам предупредить о том, что мы решили делать дело вместе. А то, небось, уже намереваются в разные стороны поворачивать.

Бояре кивнули и поехали к своим дружинам. Феодор велел гонцу призвать старших и неторопливо, но толково объявил им о новом решении и о том, почему оно принято.

– Неспokoен я, – доверительно сказал им боярин, – всё жду каких-то каверз, подлостей и неожиданностей, на которые так охочи кочевники. Они наши привычки знают, мы же их привычек не ведаем.

– А что, если пал пустить по степи? – спросил один из старших дружинников, Радмир.

– Рано пока. Сами окажемся как на ладони. Вот доедем до места, тогда и можно пустить его по другому берегу. Но только после того, как сторожевые на деревьях будут сидеть на самых высоких ветвях, чтобы у нас был обзор местности. А если дозорные ничего не углядят, то постараемся, прежде всего, вал возвести как можно быстрее и как можно более высокий. Охрана нужна особенно для работных людей. А пока мы все тут, как на высотке. И если нам это привычно – на то мы и дружинники – то за добровольцев князь с каждого из нас спросит строго.

Старшие кивнули: это верно, работных людей беречь надобно, как зеницу ока. От них зависит скорость и качество стен будущих крепостей. А это уже для них, воев, залог более долгой жизни.

Феодор снова проехал в голову обоза и повелел поворачивать налево. И хотя возницы никаких вопросов не задавали, он счёл нужным объяснить и простым работникам, почему появилось новое решение и почему так будет правильнее. Люди согласились.

– И передайте это по обозу, чтобы все знали и понимали. Хотя там бояре и должны тоже сообщить, но лучше трижды услышать, чем ни разу, – улыбнулся Феодор.

Обоз благополучно добрался до леса, большим языком выдвинувшегося в степь. Люди с облегчением спрятались на полянах, а на самые высокие деревья по всей кромке леса были отряжены дозорные. Таких сторожевых отправляли самое малое по двое, а то и по трое, чтобы, в случае чего, было кому прибежать с вестью.

Из каждой дружины была выделена треть воев, которые отправились в боевое охранение на другой берег, чтобы в случае нападения сразу же отразить нападение кочевников, если те решат, что можно слегка побеспокоить прибывших.

Бояре собрались на совет, хотя порядок работ и так был понятен: сначала, отступя от берега реки шагов пятьдесят, оставив в качестве западни болотистую пойму, предстояло рыть ров, а из вынудой земли насыпать – за рвом – вал.

– Мудро князь рассудил, чтобы мы взяли с собой орала. Пустим лошадей, а уж землю выбрасывать будем вручную.

– Надо бы старших землекопов призвать. Авось у них есть какие задумки, как это сделать побыстрее.

Старшие, как оказалось, ещё в пути обсуждали предстоящие работы и придумали, как побыстрее землю наверх поднимать: установить по несколько, сдвоенных, выдолбленных брёвен, а по выемкам в них катить наверх, как по полозьям, деревянные короба с землёй. Наверху же останется их только опрокинуть да разровнять.

– Так быстрее будет. Но по верху стены должны ещё лошади ходить с трамбовыми валами. Мы тут несколько камней углядели, примостим их на настилы поверх трамбовок, чтобы прочнее земля ложилась. Сама-то свежая земля пока ещё уляжется!

– Добро! – все трое бояр одобрительно кивнули. – Сегодня разгружаемся, а завтра с утрачка, Богу помолясь, и начинайте.

С утра и начали. Первыми пустили «лесенкой» сразу пятерых лошадей, тянувших мелкие орала, которые должны были только проложить линию будущего рва, срывая травяной покров. Дёрн здесь оказался таким густым и с такими глубокими корнями, что пока лошади дошли до конца дуги будущего рва, все они устали так, словно протащили тяжело гружённые телеги два десятка вёрст. И прежде, чем их повели снова к началу рва, пришлось дать им короткий отдых.

Следом пошла вторая пятёрка лошадей, тянувших более мощные орала, отваливающие землю ту сторону, где должен быть вал.

Немедленно на вспаханную полосу вступили несколько групп землекопов, дружно выкидывающих землю в одну сторону. Буквально на глазах образовался вал шириной около маховой сажени. По насыпанной земле немедленно пошли, сдвоенной «лесенкой», несколько пар лошадей, волокущих трамбовщики, утяжелённые громадными валунами.

Ров расширялся и углублялся так быстро, что вскоре пришлось устанавливать выдолбленные брёвна, по которым втаскивали на верх будущего вала землю из рва. Лошади с трамбовщиками шли по свеженасыпанной земле, превращая землю в твердыню. Конечно, это не камень, даже не дерево, но постоянно уплотняемая несколькими трамбовщиками земля становилась настолько твёрдой, что в неё даже не проваливалась нога.

Буквально за день вал, дуга которого протянулась примерно на треть версты, опоясавший будущую крепость, вырос более чем на две сажени. На те же несколько сажений углубился ров, настолько широкий, что по его дну могли идти в ряд пять лошадей. В твердыне вала были оставлены только одни ворота, со стороны леса,

Валом удалось огородить площадь, достаточную, чтобы внутри спокойно разместить весь обоз, весь работный люд и большинство воев. Тесно, конечно, было, ведь в каждой дружине было больше трёх сотен ратников, да лошади, да работники, да телеги, но все почувствовали себя куда более защищёнными, чем даже в лесу, которого кочевники не любили и боялись в него углубляться.

Вои всех трёх дружин поочередно сменяли друг друга в боевом охранении, так что примерно треть их постоянно находилась вне будущей крепости. Вторая треть отдыхала, вернувшись с дозора. Третья занималась снаряжением, чтобы оно было постоянно готовым к сражению, если нападение начнётся.

Следующий после завершения вала день был отдан изготовлению частокола, который следовало установить перед рвом. То, что обоз не разделился на части, оказалось очень мудрым решением: работы были разделены на этапы и бревна, уже обтёсанные и заостренные прямо в лесу, доставлялись к месту установки почти безостановочно. Устанавливать и скреплять их, создавая неодолимую преграду для атакующих, было куда сложнее, нежели насыпать вал. Поэтому на установку частокола понадобилась целая неделя. Зато брёвна были как на под-

бор, один в один. Древоделы умело соединяли их в единый монолит, так что стена эта оказалась весьма крепкой и внушающей уважение даже тем, кого она укрывала.

Постройки для размещения воев и старшин, сторожевые башни, конюшни, амбары для припасов были возведены за вторую неделю и был объявлен день отдыха.

В готовой крепости осталась, как и было договорено, сотня ратников дружины Мече-слава, а три сотни воев и две другие дружины, а также весь работный люд снова обозом отпра- вились строить вторую крепость, которой предстояло оказаться срединной.

Отъехав, в течение дня, вёрст на тридцать, отыскали ту самую излучину, отмеченную разведчиками первой и намеченную князем быть главной крепостью, которую предстояло воз- главить Феодору. Место было отличное – довольно высокий холм на самой опушке леса.

Тут повторили всё то же, что и по прибытии на место возведения первой крепости. Немедленно на деревья были посланы дозорные, выслано боевое охранение и разведка, подо- браны, для временного размещения, удобные поляны и люди расположились на отдых.

Утром закипела работа. Поскольку все уже знали, кому что и как делать, людей даже расставлять не пришлось: все сами начали действовать в том же порядке, как и на первом строительстве. Да и никого особо понукать не приходилось, ибо всем было радостно от того, что они так быстро и добротнo возвели крепость, охранявшую их теперь с востока. Выстроить ещё две такие крепости в центре и на западе огромного, ставёрстного, полукружия, которое станет крепкой преградой для кочевников, было общим огромным желанием. Особенно у тех, кто помнил, каким был последний набег и сколько крови было пролито, сколько людей было убито, скольких угнали с собой кочевники и сколько пожарищ – какое огромное пожарище – пылало над их городищем! – принёс этот ужасный набег степных убийц.

Ведали они или нет о том, что в степи уже стоит одна крепость и прямо у них на глазах строится ещё одна, никто не думал. Не знают, так узнают! И если они прежде почти безпре- пятственно накатывались смертоносным валом прямо в городища и селения, то теперь им это так легко не удастся. Если удастся вообще! Даже одна сотня воев, хорошо вооружённая всеми видами оружия, даже не покидая ограды крепости, превратит весёлую прогулку за добычей многотемной кочевой толпы во встречу с собственной лютой смертью. И вернуться в стойбища, или как там называются те места, где они оставляют своих жён и детей, далеко не все!

Через три недели на холме возвышалась вторая крепость, в которой осталась сотня дру- жинников Феодора. Остальные же вои Феодора, как и двух других бояр, отправились со всеми работными людьми строить третью крепость.

Ещё на радостном совете в первой ими совместно выстроенной крепости бояре согласи- лись не ограничиваться только намеченными тремя крепостями, а выстроить, вынеся по краям от уже готовых твердынь, по две поменьше, сторожевых. Хотя, как оказалось весьма скоро, поменьше могут оказаться и менее крепкими. Так что размерами решили не ограничи- ваться. Поскольку охраняемое каждой дружиной пространство оказывалось огромным – вёрст по пятнадцать в обе стороны от каждой крепости, то примерно посредине этого расстояния, но вынеся вперёд на столько же вёрст, и надлежало возвести ещё по одной крепости, обеспечив каждой из них взаимную поддержку.

А перед тем, как отправлять в городище обоз за припасами для постройки этих, ранее не предусмотренных, крепостей, следовало по другому берегу реки выжечь степь, благо осень была уже близка и трава сохла на глазах. Поэтому в назначенный день в одно и то же согласо- ванное время из всех трёх крепостей вышли люди с факелами и дружно подожгли траву. Огонь встал стеной и быстро покатился в сторону кочевников. Увидев огонь и учуяв дым, дружно взлетели птицы, всякое зверьё, обитавшее на этих просторах, понеслось огромными стадами в сторону становищ ордынцев, грозя смести их и перемолоть в пыль.

Огонь вполне мог выжечь степь аж до другой реки, если только она текла где-то впереди. Должна была течь, но между рекой, на берегу которой были возведены крепости и той, к кото-

рой устремились животные, наверняка было большое расстояние, так что бегущие от пала стада должны были все увеличиваться и кочевым стойбищам грозила серьёзная опасность. Впрочем, россы не особо грустили об их участи: кочевников следовало отогнать как можно дальше от своих семей.

Работу, которой предстояло ещё очень много, следовало облегчить: как бы люди не старались, силы ведь не безконечны. После возведения трёх крепостей следовало устроить перерыв в строительстве: привести в порядок пришедшие в негодность или изготовить новые орудия труда, починить или заменить их, заняться починкой прохудившейся на работах одежды и обуви, да и просто отдохнуть – и людям, и лошадям.

Недостатка не было только в строительном материале: лес был готов обеспечить их древесиной на любые нужды, каменоломни могут дать камня на целый город, а не то, что на несколько крепостей... С едой было не столь же хорошо: дичи и рыбы было сколько угодно, но без хлеба словно и сыт не бываешь... Оставалось только ждать, что князь пришлёт новые обозы с припасами и свежими людьми, а также раз в неделю объявлять клич среди воев, особенно молодых – не найдутся ли среди них добровольцы помочь в строительстве ещё шести крепостей.

Добровольцы находились всегда, так что молодых и крепких рук доставало на всех участках, но возвести девять крепостей, вместо намеченных трёх, всё-таки требует очень много труда. А ведь и дозоров никто не отменял, опасность хоть и отодвинулась, но не исчезла совсем, так что следовало постоянно быть настороже. После пала видимость стала хорошей настолько, что даже зайца было видно за несколько сотен саженей, а уж животное покрупнее – почти за версту. Так что фактор внезапности кочевники потеряли на некоторое время точно.

Зато россам по освобождённой от травяных зарослей земле было намного легче возить брёвна на новые строительства. Возможно потому шли они весьма быстро. К сожалению, там не было рядом реки, но она была, явно, настолько близко, чтобы буквально на второй-третьей сажени глубины из новых колодцев начинали бить источники, так что в каждой крепости было чем заполнить рвы, которые неизбежно должны были преодолевать те, кто вознамерился бы захватить крепость. А кроме глубокого рва их ждал ещё высоченный, около пяти саженей, частокол из гладко оструганных и заостренных брёвен.

Окружность крепости старались строить в виде колеса, оставляя единственный проём для ворот со стороны, противоположной направлению возможной атаки ордынцев. Главная сторожевая башня, самая высокая, размещалась в самом центре крепости. Сторожа на ней менялись каждый час, поскольку длительное всматривание в один и тот же окоём как бы «слепит» человека и можно не заметить даже бегущее стадо. А свежий глаз всегда – алмаз!

То ли люди, как говорится, набили руку на возведении крепостей, то ли от радости, уверенности в том, что их дома, их семьи теперь никогда не подвергнутся лютым набегам, силы работников словно удваивались и утраивались. Задуманные уже на месте дополнительные шесть крепостей возводились куда быстрее, нежели первая, хотя и там очень все торопились: опасность была весьма серьёзной.

Кроме того, ждали обоза, взамен возвращённого пустым, с новыми орудиями, припасами и свежими работными людьми. По первоначальному замыслу, эти люди должны были заменить отработавших по месяцу на строительстве, а тем следовало воротиться по домам. Но что-то новый обоз запаздывал, заставляя тревожиться не только бояр, но и вообще всех, кто прибыл в числе первых.

Поскольку уговор был, что ушедшие на строительство крепостей гонца пошлют только в случае какой-нибудь беды, то его отсутствие будет означать возможность безопасно отправляться новому обозу. Но тревога оказалась напрасной, обоз вскоре прибыл, направившись в центральную крепость, к Феодору: о задумке возвести ещё шесть крепостей князю было доложено только после прибытия пустого обоза. А пока прибыл новый, было возведено ещё

по три, второго срока строительства, и заложены ещё три новых. Но там пока только прокладывали рвы и подвозили брёвна.

Старшим обоза оказался сын Остромысла княжич Ростислав.

– А погляди-ка, боярине, что мы вам привезли! Чего-то ты, может, и ждал, а чего-то и ты не ждал!

– Показывай, удивляй, – ответил Феодор.

Две телеги были полностью нагружены колёсами, которые изобрёл Преслав. Их несколько усовершенствовали: боковые окружности были по ободу плавно загнуты внутрь (благодаря этому плоскости теперь не резали землю, а катились по поверхности), а к этим сгибам были приделаны прутки, сделавшие колесо ещё более устойчивым. Было также улучшено крепление стойки: оно стало проще и надёжнее.

Все, кто были в крепости, узрев эти колёса, поначалу готовы были хохотать во весь голос, да удержались, из уважения не только к своему боярину, но и ко княжичу, который сам ловко установил стойку и прокатился по кругу так быстро, что вознамерившиеся было похотать люди только охнули: вот это да!

– Зачем вам эти колёса, спросите? Это замена лошадей для дозорных и разведчиков. Ордынцы ждут верховых, верно? А верховой виден далеко, даже на самой малорослой лошади. Колесо же роста почти не прибавляет, на нём человек остаётся на примерно такой же высоте, как при ходьбе. Но при этом получает возможность быстро преодолевать большие расстояния. – Тут княжич поднял с телеги другое колесо и пустил его по рукам, показав тут же, как из двух плоскостей и нескольких прутков быстро колесо собрать так, чтобы осталось только закрепить стойку с ручками. – Прутки, которые соединяют обе стороны, не только дают колесу устойчивость, но и гасят толчки от неровной дороги. Хотя, где тут, собственно, дорога? Попадёт нога лошади в нору земляного зверька – сломает лошадь ногу. Колесу же ничего не сделается, оно перекатится и дальше побежит. А лошадь дома побудет, отдохнёт, чтобы быть свежей для боя, коли случится бой.

Вои внимательно выслушали князя, стали просить позволения и для себя собрать колёса, чтобы опробовать диковинную вещь. Поначалу готовые её осмеять, после того, как каждый прокатился, они поняли, что вещь, действительно, стоящая, полезная для воинского дела.

– Тут, – указывая на телегу, – колёса для вашей дружины. На двух других, для дружин Мечеслава и Броня. Уж сколько успели. На всех пока не достанет, только для разведчиков да дозорных, но наши мастера делают их ещё, чтобы у каждого воя было такое колесо. – Княжич дал людям немного времени выразить и удовольствие, и огорчение. – Вы только представьте, какую скорость приобретает пешее войско, от которого раньше скорого перемещения никак нельзя было ждать! – все согласились: а действительно, это если каждому пехотинцу выдать такое колесо, то они от конников не очень-то и отстанут! Тут и бой другим будет!

– Но у меня есть ещё одна хорошая вещь. – Он подошёл к другой телеге, стоявшей в ряд с той, которая привезла колёса. – Это тоже новая выдумка. Камнемятами никого из вас не удивишь, но вот что метать, тут новинка. Смотрите!

Княжич принял поданный возницей, размером в пядь, шар и поднял его над головой.

– Думаете, это камень такой? Нет. Не хотим мы ордынцам никаких «подарков» делать. Это и не камень, и, тем более, не железо. Это дерево! Полый внутри шар, заполненный смолой и обмотанный пропитанной этой смолой паклей. Чтобы «ложка» могла хорошо и долго работать, она будет теперь металлической. Кладём на неё, – княжич положил на «ложку» этот странный шар и держа его перед собой повыше, другой рукой поднёс к нему приготовленный, но пока не зажжённый факел.

– Зажигаем шар и отправляем гостинец кочевникам!

Это приняли все с огромным восхищением! Конечно, дерево ведь тоже достаточно твёрдое, чтобы, прилетев издалека, могло, самое малое, расшибить человека или коня. А если и не убьёт, так подожжёт!

Камень или железо могли бы потом кочевникам пригодиться. Дерево же сгорит полностью, так что никакой пользы они из него никак не извлекут. А вот вреда мы им можем причинить много!

И, действительно, чего их железом-то обеспечивать? Оно нам самим нужно! Да и камни тоже весьма ценятся в степи!

– Князь Остромысл, – продолжил княжич, называя своего отца только по титулу и тем подчёркивая важность своих слов, – велел всем, кто будет колёсами пользоваться, думать, в чём их недостатки и как их можно было бы сделать ещё более удобными и полезными. И никаких своих мыслей на этот счёт не отвергайте: если подумалось, что вот так было бы лучше, немедленно идите с этой мыслью к старшинам и говорите. Неизвестно, кто может придумать что-то доброе. И вообще, князь всем велел думать, чем бы ещё новым, чего у нас раньше не было, крепости вооружить. Мы должны так «угощать» кочевников, чтобы они заклились на наши земли ногой ступать, не то что на городища наши нападать!

Когда всё было разгружено с телег, предназначенных для Феодоровой дружины, остальной обоз был разделен надвое и каждая половина отправилась к двум остальным крепостям. Тут только княжич узнал, что кроме трёх оговорённых крепостей было постановлено возвести ещё шесть, выдвинув их примерно на десять-пятнадцать вёрст по сторонам первых трёх, основных. С расстоянием особо не морочились, если не было хорошего места, то и дальше заезжали.

– Но теперь, княжиче, – радостно говорил Феодор, – у нас получается словно борона, на которую обязательно напорются кочевники. Не пройти им такого «строя» крепостей. И потом – мы с боярами оговорили обязательную дневную и ночную связь. Ночью, конечно, факелами. А чтобы их степные ветра не задували, мы центральные башни застеклили, так что воям там и не холодно, и факелы показывают, что задумано.

– А днём?

– Днём мы зеркалами сигналим. Солнце тут есть почти всегда, так что сигналы те же, но только огонь другой.

– А ордынцы ваших сигналов не поймут?

– Откуда же им понять? Мы с боярами и старшими дружинниками неделю мозговали, чтобы сигналы не повторялись даже близко, дабы не спутать и не принять какой-то из них за другой. Все сигналы различны! А если всё спокойно, то и гонцы прибегают, вести приносят.

– А как с теми шестью крепостями?

– Пока выстроили полностью только первую от главной крепости Броня. Поскольку именно ту мы возводили последней. Так чтоб не гонять зря туда-сюда людей и коней, там и начали. Степь выжжена далеко, ордынцы от огня откатились в неведомую даль, ни разу за последние дни их не видели ни дозорные на башнях, ни разведчики. Теперь строим у меня, потом перейдём к Мечеславу. И наметили ещё три – между крепостями второго порядка, так чтобы выстроить действительно крепкий заслон.

Но третий порядок мы пока мы даже и не строим, а лишь заготавливаем для них всё необходимое, чтобы потом выдвинуться всем сразу и за неделю сделать основную работу, а уж потом доводить до ума. Там и воев больше всего сейчас: вся дружина Броня, да по две трети моей и Велемировой. И работный люд весь тоже там. А теперь, когда пришла помощь, мы это осилим непременно, причём вдвое быстрее, чем собирались. Тут главное – ров, земляной вал и частокол. А уже внутри строить будут прибывшие с тобой, княжиче. А уработавшихся отправим обратно вместо с усталыми лошадьми. А заодно уложим всё, что требует починки, но не может быть починено здесь, на месте, в походных мастерских.

Да хорошо бы нам со следующим обозом получить ещё оружия и всяких воинских припасов: нам их теперь надо в три раза больше! Если будут набег, это быстро будет истрачено. Но мы в трёх уже готовых крепостях хотим кузницы да прочие железодельные мастерские устроить, чтобы самим чинить, что можно.

И ещё: тут неподалёку место для ещё одной каменоломни мы присмотрели. Так что камнетёсов нам бы ещё прислать хотя бы с полсотни со следующим обозом: понятно, что на все девять крепостей камня понадобится много, да зато совершенно неприступными они бы стали! Но для начала хоть бы одну каменную, впереди всех этих девяти поставить: это была бы крепость, так крепость! Дерево ведь горит! А вдруг они придумают что-то вроде наших шаров? Да начнут в нас ими кидать?

– Думаешь, могут придумать?

– Придумать ли могут, не ведаю. А вот по нашему примеру делать – вполне могут.

– А из чего они могут шары-то изготовить?

– Да хоть из овечьей шерсти!

– И то верно!

– Так что колодцы нужны в каждой крепости, да не один, а хотя бы три-четыре, чтобы в случае чего можно было быстро огонь угасить.

– Колодцы – это хорошо. Но мыслю так, что и заграждения бы на стенах поставить не повредило. Например, из лозы, которой по берегам реки полным-полно. Наплести таких небольших плотиков да закрепить на частоколе. Ведь если кидать будут, то целить будут в защитников на стенах. А плотики не только прогнутся и отразят шар, но и несколько укроют наших воев от глаз нападающих.

– В этом есть здоровое зерно. Людей у нас сейчас вдвое больше, так что добровольцев можно послать нарубить побольше лозы. Чтобы для всех крепостей хватило. Особенно для дальних. Там-то реки нет.

Не медля с этим, Феодор вместе с княжичем вышли во двор и подождали, пока подойдут люди. Рассказав им о предположении, что кочевники могут перенять у них идею метать шары, боярин остерёг, что нужно бы им помешать закидывать защитников и двор крепости такими встречными шарами. Посему надобно бы наплести из лозы плотиков да закрепить их на частоколе.

Народу идея понравилась: люди вообще воспринимали любую о них заботу с благодарностью, ибо каждому жизнь дорога. Особенно тем, кто оставил в городище семьи, которые на них надеются и ждут домой. Тут же собралось несколько десятков человек, готовых немедленно отправиться за лозой.

– Вот только пару-тройку телег бы с нами отправить, а то сырая лоза тяжёлая, тащить её будет трудно.

– Ну, конечно, берите сколько надо!

И уже к вечеру свободные от трудов люди сноровисто плели плотики, так что буквально за несколько часов их возвышалась целая гора. Но недолго и возвышалась, потому что их стали передавать тем, кто взялся их укреплять на верху частокола.

– Теперь мы видны далеко-далеко, с этой зелёной оградой, – пошутил один из воев.

– И добро, что видны. Авось поостерегутся. Если только догадаются, что это такое и зачем мы сделали себя такими заметными в степи. Впрочем, мы и так были заметны: частокол-то тоже далеко виден! А когда обнесём крепость белым камнем, будем видны ещё дальше!

После долгих раздумий князь Оstromысл решил, что необходимо объединиться с другими князьями, особенно с теми, чьи земли граничили с его собственными. Он призвал боярина Григория, исполнявшего обязанности старшего дружинника, пока княжич отсутствовал и рассказал ему о своём намерении поговорить с другими князьями о таком важном деле, как отражение ордынских набегов.

– Надобно, боярине, гонцов отправить к нашим соседям. Самых толковых подбери, чтобы слово в слово моё приглашение собраться на совет передали, да сделали это как положено.

– Не беспокойся, княже, дай мне немного времени и я приведу их к тебе. Сколько гонцов надобно?

– Да пока хотя бы двух-трёх. Но ближайших князей человек восемь наберётся. Лучше бы ко всем послать.

– Добро. Я скоро вернусь.

Буквально через полчаса Григорий пригласил князя выйти к гонцам. Князь вышел на крыльцо и сошёл к ожидавшим его воям. Остромысл подошёл к каждому и внимательно посмотрел каждому в лицо, оценивая их дипломатические способности.

– Добро! – сказал он, отойдя от строя гонцов так, чтобы его видели и слышали все.

– Вот что, братья, – сказал князь спокойно, но было видно, что исполнение предстоящего гонцам задания для Остромысла очень важно, – хочу я послать вас с поклоном к соседям моим, ближним и дальним. Надобно пригласить их сюда, да не в гости, а по делу очень важному. А дело это в том заключается, что хорошо бы всем нам встать единой стеной против кочевников.

Запомните мои слова и передайте их в точности: князь Остромысл челом тебе, княже, бьёт и зовёт тебя, как и других князей, на совещание, дабы подумать, как оборонить наши дома, землю нашу от лютых набегов. На моей земле уже строятся в отдалении от городища крепости, в которых будут размещаться боевые дружины, чтобы перехватывать ордынцев далеко от наших селений. Если и вы намерены бороться с этой бедой, милости просим. Нам есть чем поделиться и о чём рассказать.

Помолчав, Остромысл добавил:

– Каждому из вас будет дано сопровождение, потому что придётся везти для подарка наши колёса. Ну и припасы понадобятся. Да и нехорошо в дорогу ехать одному. Сколько дашь каждому людей, а, Григорий?

– По трое довольно будет?

– Думаю, да. Путь не особо дальний. За неделю все обернутся. А ещё через неделю будем ожидать князей. И подготовкой к встрече высоких гостей тоже будешь заниматься ты. Подбери себе для этого людей с десятков, да продумай всё, чтобы не ударить нам лицом в грязь перед ними. Спешить не нужно, у тебя седмицы полторы есть точно. А пока следует гонцов снарядить. Снабди их всем потребным и отправляй в путь. А как отправишь, подготовкой встречи займёшься. Действуй!

За неделю, с одобрения Остромысла, были сооружены семь строений, укрытых от дождя и обшитых досками – для людей, которые будут сопровождать важных гостей. Шатры эти были обширны достаточно, чтобы с удобствами разместить два десятка людей: вряд ли князья возьмут с собой больше. И хотя стояла довольно тёплая осень, в каждом помещении возвели по большой печи: ночи уже были довольно прохладными.

Для самих князей готовился терем, ещё не обжитой, который строился для княжича Ростислава, где он должен будет поселиться с молодой женой. Но пока терем пустовал, потому что свадьба ещё не была сыграна. Важно было то, что все прибывшие на совет князья будут размещены в совершенно одинаковых, равных, условиях: слово каждого будет равно слову любого другого...

Ближе к исходу седмицы начали возвращаться гонцы от ближних соседей, все с хорошими вестями: ордынцы до того всех допекли, что с этим следовало, наконец, разобраться раз и навсегда. Князья обещали прибыть в назначенный день. Даже последний гонец, посещавший наиболее дальние земли, вернулся с обещанием тамошнего князя также прибыть к Остромыслу. Хотя те земли подвергались нападениям куда реже, поскольку между ними и степью

располагались земли других князей, но и там помнили, чем оборачиваются нападения кочевников.

К исходу дня к князю неожиданно явился главный мастер по железным делам Гордей и радостно объявил, что один из его мастеров придумал замечательную вещь!

– Дозволь сказать, княже! Мастер Ипат горячо принял твоё слово о потребности придумать что-то новое против ордынцев. Так он и придумал! К колесу придумал приспособление! Да вот он сам тебе расскажет. Поди-ка сюда, Ипат!

Мастер подошёл, поклонился уважительно и показал князю небольшой камнемёт.

– Вроде бы и ничего нового, – сказал Ипат, – да новое-то есть. Погляди, княже, что у меня получилось.

Тут он подкатил «колесо», закрепил на нём стойку, а к стойке, с помощью крестовины, прикрепил свой камнемёт. А заодно показал нечто вроде ранца, в котором камнемётчик должен будет переносить припасы для метания.

– Разведчикам и гонцам и камнемёт, и ранец здорово пригодятся. Но и воям теперь тоже пригодятся. Если обеспечить такими припасами каждого, у кого есть колесо, то у них будет возможность оборониться от врага на далёком расстоянии.

– А что, далеко мечет камни твоя метальница?

– Далеко, куда дальше, чем стрела летит! У самого меткого стрелка с самым убойным луком она очень редко улетает дальше полста сажений (100 метров). Но попадает куда реже – сам знаешь, какие в степи ветра постоянно дуют. А камень летит почти в два раза дальше и он куда тяжелее стрелы, так что попадание бывает в два раза чаще, чем у стрелы. Но на эту крестовину и лук тоже можно приладить. Большой и с дальностью боя не меньше, чем у камнемёта. Это я тоже принёс тебе показать.

Ипат сноровисто снял со стойки камнемёт и закрепил там похожую на сильно изогнутое коромысло установку, на которую легко, подвинув какую-то железку, надел тетиву. Тут же достал и стрелу, даже по виду тяжёлую, установил её и потянул за другую железку, которая поначалу тоже казалась лишней. Стрела просвистела и через минуту воткнулась в дерево, росшее примерно за сто сажений от того места, где они стояли.

– Ловко! – воскликнул князь! – А если бы не дерево, сколько она ещё летела бы?

– Мы проверяли, иногда даже на четверть версты летит, иногда меньше. Бывает меньше, бывает больше. Но зато входит на ладонь! Щит пробивает насквозь на половине обычного расстояния... Из дерева стрелу-то ещё можно вырубить, а из человека ведь не станем? – Ипат лукаво усмехнулся и поглядел на князя.

– Добро! Ох, добро! Подумаю, чем тебя наградить за этакую задумку! А скажи мне, будь добр, сколько времени надо такую вещь изготовить? Да и камнемёт сколько надо времени делать? Да ранцы?

– День на всё. Одному мастеру на всё это снаряжение потребуется день работы. На всё. На камнемёт, лук с запасом стрел и ранец. Да ты внутрь ранца-то загляни: есть отдельная часть для камней, есть отдельная для стрел, а есть для того и другого. Но тут уже сильные ратники понадобятся: тяжёлый груз вместе получается.

– А быстрее никак?

– Быстрее только если людей много будет работать.

– Значит, надо подрядить больше работников. Дело стоящее! Есть ещё люди, а, Гордей?

– Повелишь, княже, так отыщем. Хотя пока свободных нет. Все заняты изготовлением вооружения обычного, некоторые делают колёса, а есть несколько человек, которые мудрят чего-то, вот как Ипат, изобретают что-то новое. Я, как ты и велел, им не мешаю, не принуждаю делать то же, что и все делают. Авось, изобретут чего полезного!

– И не надо мешать. Нам головастые нужны! Их беречь надо! Но и работников ещё надо!

– Разве младней, из подручных, на эти работы перевести?

– А справятся?

– Должны.

Князь подумал и призвал Григория:

– Надо бы старшине древоделов повелеть наделать больших щитов: да расставить их на разных расстояниях. А из уже готовых каменётов и самострелов пусть вои учатся попадать без промаха. Да выбрать место пустое, чтобы ненароком не попасть в кого, стрельбище там устроить и пусть осваивают. А по мере изготовления каменётов и самострелов Ипат будет их прямо в дружины отдавать. Пусть вои учатся. Да не с положения стоя на месте, а именно с колеса, на ходу. Ибо ордынцы не станут дожидаться, пока кто в них попадёт, метаться будут. Да учесть надобно, что они-то на лошадях, так что и щиты должны быть разной высоты: и на высоту пешего человека, и на высоту конного. Да обозначить бы след, где конь, а где и всадник.

– Сделаю!

Григорий быстро удалился, прихватив и Гордея с Ипатом: они тоже заторопились: дело стоит! Раз князь всё одобрил, так побыстрее надо обратно, к железу своему.

– А ты, Гордей, – вслед уходящим крикнул князь, – тех придумщиков, которые задуманное соорудят, тоже ко мне приводи. Авось доброго чего придумают!

И, помолчав мгновение, уже другим тоном, жёстким, добавил, хотя уходящие слышать его уже не могли:

– Должны мы их отучить воевать нас. Чтобы и дорогу забыли в наш край! Раз и навсегда чтобы забыли!

В назначенный день стали прибывать приглашённые на совет князя. Первым прибыли сосед с запада князь Творимир и живущий ещё западнее князь Славомир. Прибыли и соседи с севера князя Остромир и Миродар. Следующим утром прибыл гость с востока – князь Гостомысл. К полудню того же дня прибыли князья из несколько дальше от остромысловых земель князья Гремислав, Данислав и Доброслав.

Сильно удивив хозяина, все князья прибыли с самым малым количеством людей, с минимально положенной по княжескому статусу свитой, не превышавшей десяти-двенадцати человек. Этим жестом они показывали Остромыслу, что поверили его приглашению и не ждут здесь никакой опасности.

Все князья с комфортом разместились в новом тереме, а их свиты получили по отдельному помещению, в котором поместилось бы впятеро больше людей. После короткого отдыха, потребного, чтобы привести себя с дороги в порядок, гостей пригласили в терем Остромысла на трапезу. Но беседы велись только о том, как добирались, о погоде, урожае – светский разговор. Но уже на второй день, когда все приглашённые были в сборе, было решено не только трапезничать в хозяйском тереме, но и сразу же начать совет.

Все понимали, что с нашествиями следует что-то свершить такое, чтобы отвадить чужинцев нападать на селения россов и сделать так, чтобы набеги их прекратились навсегда.

– Надумал я, братья, ставить крепости, вынеся их в степь верст на двадцать-тридцать вперёд городища. Отправил туда три дружины во главе с тремя боярами – а больше у меня и в живых-то не осталось после последнего набега – и с ними работников, чтобы возвести сразу три крепости на самых основных опасных направлениях их набегов. Думаю, что не сегодня-завтра возвратится первый обоз с работными людьми, отправленными с дружинами. Но я уже отправил и второй обоз со свежими людьми и со всякими припасами, так что завтра-послезавтра получим новости, как там дела со строительством. А пока повелел я своим мастерам, чтобы думали и придумывали всякие новые орудия против ордынцев. И вот что уже они придумали.

Тут князь выкатил из сеней колесо, придуманное сыном Феодора, позже усовершенствование железных дел мастерами. Потом приладил к стойке каменёт, а после – самострел, придуманные Ипатом.

– Вы, каждый, получили в подарок такое колесо, но с тех пор мастер Ипат уже придумал к нему некоторые хитрые «добавления». Сейчас мой старший дружинник устраивает стрельбище, на котором вои будут учиться попадать на самые дальние расстояния, причём не пешими, остановившись, а именно в движении на колесе. Тут ещё то важно, что лучник, особенно пеший, особо далеко отойти не может от места выстрела, а если с колеса, то стреляющий всё время в движении и попасть в него гораздо труднее. Кочевники, как мы все отлично знаем, стреляют метко. А нам терять людей никак нельзя. На колесе вои не будут тратить сил на передвижение: на нём менять место намного легче и быстрее.

А, может, и там, на передовых позициях, люди придумали что-то, ибо им первыми с нападающими придётся сражаться. Сами знаете, народ наш мозговитый да на выдумку тороват. Не сомневаюсь, что и ваши люди, когда вы им волю и повеление дадите думать и выдумывать против ордынцев что-то новое, обязательно что-нибудь придумают! Но обязательно надо обмениваться этими новинками, чтобы у каждого войска был полный набор вооружения. Да не просто сообщать, что есть новое, но присылать одну штуку нового оружия, дабы в каждом княжестве мастера могли это изготовить в потребном количестве.

Ну, а о том, что надобно нам в случае набега единой стеной стоять, уже говорил я и прежде. Да вы и сами, я уверен, мыслите так же. Вот только не особо сие у нас получалось. А почему не получалось? Большое между нами недоверие было да и обид взаимных накопилось множество. Но через них, через недоверие это и обиды, мы должны переступить – ради собственных народов, ради жизни людей наших должны!

А ещё связь была между нами плохая. Сознайтесь, что вы изрядно удивлены были прибытием моих гонцов, верно? А почему? А потому, что не навывкли мы одной семьёй, одним народом быть! Не навывкли, что войска всех княжеств есть единая армия народа россов! А потому и связи между войсками нашими не было. Но теперь мы такое положение изменим: мои дружинники придумали такой порядок обмена данными, что по ночам факелами, а днём зеркалами знаки друг другу подают. И за десятки вёрст вести передаются почти мгновенно. У воев там всё продумано до тонкости, так что сигнал перепутать совершенно невозможно.

Да и я сам постоянно голову ломаю, как бы победы добиться с наименьшими потерями. Пока надумался, что надобно выдумать что-то, что их лошадей пугало бы, а наших – нет. Конечно, наших можно приучить к чему-либо такому, чего лошади обычно боятся: к звуку рога, например, которого они не только не боятся, но, кажется, даже и понимают, что какой звук означает. Да ведь и ордынские кони к тому приучены... Но я обязательно придумаю!

Каждый росс должен обязательно мыслить в эту сторону и Бог снизпошлёт ему мудрую мысль. Ордынцы ведь не благородные воины, они истинные разбойники, которые ни детей, ни жён не жалеют. Да они только грабежами и живут. Будь они другими, можно было бы уговориться с ними да вместе ездить в чужие земли за редкими у нас товарами. Так ведь нет: ограбить норвят. Значит, нет у нас иного выхода.

Князья согласно кивали, ибо другого выхода действительно не было. Так что мысль о строительстве крепостей всем понравилась и они дружно просили Остромысла рассказать им в самых тонких подробностях, как он это делает и что понадобится, дабы и им себя оборонить таким же образом. Остромысл охотно поведал им, сколько на такое дело казны и народа потребуется, да как крепости эти строить. Он даже сделал им всем дорогие подарки: раздал каждому намеренно для подарка изготовленные чертежи крепости. А последовательность постройки объяснил уже на словах.

– Есть ещё одна выгода от строительства крепостей. Помимо того, что от ордынцев избавимся, наконец, сможем землями вокруг них – а одна от другой верст на двадцать-тридцать отдалены – бояр своих, старших дружинников награждать. Да и сыновьям своим сможем достойные наделы давать. А работные семьи поедут с ними. Освободившиеся же здесь земли

будем вдовам павших воев передавать: а то другие смотрят, как семьи павших бедствуют и ведь им это не нравится! А так они будут спокойны за свои семьи, буде те осиротеют!

А всем, кто переедет с боярами да сынами нашими на новые земли, наделы дадим, дома им выстроим. Леса там насадим, сады, землю распашем. А то что – они у двора нашего мечутся, милости ждут. И рад бы дать, да ведь нечего, каждая пядь уже чья-то.

Не должны мы больше братоубийственные войны затевать! Больше скажу: должны мы стать одним народом! Мы и есть один народ, да скудость наша нас на брани между собой принуждает!

А ещё вот что хочу вам, братья, предложить: давайте составим мы грамоты, то есть восемь одинаковых грамот, в которых были бы обозначены точные границы земель каждого княжества. И все восьмеро под каждой грамотой подпишемся: это будет гарантия нашего единства и вечного мира меж нами.

А в грамоте той непременно укажем, что если любой из нас на другого нападёт, то считать его клятвопреступником, земли его отобрать и передать тому, на кого было нападение. Вместе с людьми его и всем, что он имел на день нападения. Самого же его смерти лютой предать на площади его главного города в назидание другим.

Более того: предлагаю, чтобы каждый из нас начал выдавать подобные же грамоты всем своим подданным – от бояр до крестьян. Это оградит каждого из наших людей от нападения и захвата их земель и прочего владения. И это тоже прекратит всякие соседские дразги.

И тут князья согласились!

– Да и меж собой мы из-за чего схватывались? Земли мало! А наделять своих сыновей да служилых и работных людей чем-то надо! Вот и получается, что мы сами друг друга истребляем на радость врагам. А как ослабнет один из нас, тут и ордынцы налетают. И делают с нами, что хотят. Это никуда не годится!

А ведь земли пустой немеряно! Аж до самой великой реки, до самой Волги, что примерно в пятистах-шестистах верстах отсюда течёт до самого моря. Вот отгоним кочевников за эту реку, тогда и будет нам спокойно жить. А коли до пути водного доберёмся, то и к морю сможем плыть за товарами из дальних стран. Кочевники вряд ли научатся ладьи строить. Да и не из чего им. А мы лет за пять до реки доберёмся и выгоним их из нашей земли. Это наша земля. И пребудет наша!

Назавтра прибыл обратный обоз, ведомый княжичем Ростиславом. Вернулись домой те мастеровые, которые ушли с первым обозом, давно ожидаемые семьями, да и самим Остромыслом. Он их всех радостно приветствовал, поблагодарил за выполненный труд и отпустил по домам. А княжича тут же пригласил на совет, представив его и как своего сына, будущего правителя, и как нынешнего старшего над четырьмя княжескими дружинами, над войском княжества.

– Ну, поведай нам, как там дела с крепостями.

Ростислав рассказал, что первые три крепости давно выстроены и обжиты, обустроены прекрасно. Но бояре, соизмерив свои силы и возможности и следуя пожеланиям князя, порешили против каждой из первых трёх крепостей, возводить ещё по две крепости, вынеся каждую из них, по сторонам от первой, основной, вперёд ещё вёрст на двадцать-двадцать пять. И это уже делается. Начали поначалу строить у боярина Броня, поскольку именно ту крепость возводили в последнюю очередь. А поскольку все люди были там, то Феодор, к которому прибыл второй обоз, отправил причитающуюся часть припасов к Мечеславу, а остальные припасы вместе с людьми отправил к Броню. И удвоенными силами люди возвели одну из двух дополнительных крепостей и уже начали вторую. А потом Ростислав, поговорив со всеми боярами, согласовал отправку людей из первого обоза домой. Потому что ведь в городище новостей ждут... Да и люди несколько подустали.

– Добро придумали! Будто мысли мои, устремления мои прочитали! Потому что крепостями такими мы всю степь аж до Волги застроить должны! Земля та наша должна быть. За реку отгоним кочевников, даже поможем им переправиться в самом узком и мелком месте. Подгоним! На лошадях переплывут! А нас они должны бояться даже тронуть! Да что там – должны бояться в сторону нашу поглядеть с мыслью напасть! С добром – милости просим! Но если с мечом – уж не обессудьте!

Далее Ростислав рассказал, как всем понравились шары и метальницы, но поведал и о том, что вои предусмотрели и возможность ответного метания горящих шаров. Так против них и придумали плести плотики из лозы. Конечно, хорошо бы железные ставить, да пока руки не доходят, другими делами железных дел мастера заняты. Зато плотики из лозы будут эти шары отталкивать, прогнувшись от удара и возвращаясь обратно. Конечно, могут и загореться, но в крепостях стараются иметь запас таких плотиков, чтобы заменять сторевшие. И с водой продумали: установили на специальных помостах вдоль стены, на которой защитникам предстоит стоять, огромные бадьи с водой, чтобы тушить по свежему огню.

– Мы тут тоже даром не сидели, – улыбнулся Остромысл. – Вон Ипат придумал на колёса ставить либо камнемет, либо лук-самострел. Покажу позже. Так что действительно мастерам некогда пока плотики мастерить. А придумано хорошо! Неизвестно, додумаются ли кочевники обратно шары пулять, но лучше предусмотреть и такую возможность.

Гости медлили с возвращением домой даже после подписания общего Уложения о вечном мире между ними. Много им надо было обсудить, многое доброе друг у друга перенять, дабы облегчить жизнь своим подданным. У всех были одинаковые проблемы с недостатком земель, с нападениями кочевников, с развитием разных ремёсел, вернее, с обеспечением ремесленников сырьём, особенно это касалось мастерских по железу, по камню, да и прочих тоже. Совместно удалось найти решения многих задач, что весьма радовало.

В один из дней сосед с запада князь Творимир вдруг спросил у Остромысла:

– А когда ты, княже, следующий обоз отправлять думаешь?

– Да дня через два. А что?

– Добро было бы нам всем туда поехать да своими глазами поглядеть, как оно выглядит на деле: так быстро выстроенная крепость. Сам знаешь, нам-то наши немногие крепости от отцов ещё достались. И хотя мы знаем, как они устроены, но самим возводить не доводилось.

– Там может быть опасно, брате. Кочевники ведь могут напасть. Да и путь неблизкий, обоз движется медленно, так что только на боевое охранение и полагаемся.

– Да ведь впереди у тебя три дружины.

– Это верно. Да только они в разных местах находятся и разделены на части, по нуждам строительства. Но если вы хотите поехать, то я две княжеского войска дружины возьму, уж они нас в обиду не дадут. Оружие у них в исправности, храбрости не занимать. Да мы и сами тоже ещё мечами махать не разучились...

– Тогда вели и на нас припасы взять.

– Добро!

Остромысл велел обозникам поторопиться, поскольку ехать следует именно в назначенный день. Причины не объяснил, но князь крайне редко поднимал и торопил людей, которые и так трудились, не покладая рук. А значит – причина важная. Пришлось привлечь и тех, кому предстояло идти с обозом – в пути отдохнут. Уж коли князь торопит...

Обозники несколько удивились, когда в качестве боевого охранения увидели не только пришедших с ними боярских дружинников, но и две дружины княжества. А когда оказалось, что и сам князь, и его гости отправляются с обозом в новые крепости, удивление ещё усилилось. Хотя ненадолго: хозяйский глаз везде нужен, хотя на бояр, отправленных на строительство, можно было положиться, как на себя.

Отряд князей шёл замыкающим звеном, дабы не пришлось бороться с желанием прищипорить коней и домчаться до крепостей за пару часов. Только уже когда крепость стала видна, они обоз обогнали и поскакали вперёд, хотя не очень быстро, дабы не встревожить обитателей крепости. А там и не встревожились, видя княжеские знамёна, но высыпали навстречу с радостными приветствиями.

Это была крепость боярина Феодора и он как раз оказался на месте, ибо только что вернулся с осмотра двух новых крепостей. Разместить князей пришлось в собственном помещении, которое больше походило на гридню, где положено было бы размещаться воям. Свиты гостей пришлось именно в гридне и размещать, дружинники же споро возвели для себя шатры, хотя дождя не предвиделось.

За трапезой Оstromысл поведал Феодору, что привело князей на строительство. Захотели своим глазом увидеть, что получается на деле из таких замыслов.

– Покажем, непременно и с готовностью всё покажем, рады будем показать, ведь чем больше крепостей все мы настроим, да чем быстрее до реки великой через то доберёмся, тем быстрее мир и покой в наших землях наступят!

– Так и готовься завтра начать показ с этой крепости. А потом и к Мечеславу да к Броню съездим.

– Непременно надо съездить, хотя крепости все по одному образцу скроены. Люди стараются, ведь все отлично понимают, что от этого сама жизнь наша зависит!

– А пока принеси нам сюда пару плотиков, о которых Ростислав нам рассказывал. Да сразу спрошу, испытывали ли вы их на прочность?

– Как же, непременно испытывали. И убедились, что делать их надо из тонких ветвей, чтобы они легко прогибались и далеко отталкивали то, что в них ударяет.

Феодор тут же кликнул дружинника и велел ему принести пару плотиков. Дружинник внёс буквально через минуту. Это были плетеные квадраты, с одной стороны снабжённые заостренными «ножками», которые продевались в стыки между брёвнами частокола. Поэтому они оказывались также прикрытием для тех, кто находился на валу, чтобы отбивать атаки кочевников, если бы те вздумали на частокол карабкаться. Но защитники крепости должны были, в основном, метать в нападающих камни и горящие шары да стрелять из всего наличного оружия. Этому плотики не мешали никак, хотя временами несколько закрывали обзор.

– Но пока набегов не было?

– Набегов не было. Но у самых дальних, строящихся дополнительно, крепостей всё время маячат их разъезды – то ли дивятся нашим стройкам, то ли разведывают, как лучше напасть.

– И то, и другое, мыслю, – произнёс Оstromысл. – А что, те дальние крепости уже готовы?

– Вал есть, ров и частокол есть. Ров было заполнить довольно трудно, пришлось прямо в нём самом родники отыскивать. Но теперь всё в порядке. Вода во рвах не только ровень с берегами, но и залила землю возле рва – от частокола и с другой стороны примерно сажень на тридцать. А рвы-то глубиной в три маховых сажени.

Внутри же крепостей всё ещё идут работы, строятся помещения для воев и работников, конюшни и мастерские. Да и для князя тоже стараемся что-то путное возвести. Не с дружиной же ему жить.

Оstromысл подумал немного и предложил князьям не торопиться к дальним крепостям, ибо не имеет желания даже малейшей опасности их подвергать, а поначалу навестить такие же, полностью обустроенные, крепости других бояр, стоящие на самой дальней линии. Иными словами – наиболее безопасных. А уж потом, если всё ещё будут настаивать на поездке в строящиеся крепости – милости просим.

– Эта крепость уже доведена до полного совершенства. Всё построено, всё отлажено, всё работает, всё предусмотрено, – так начал Феодор показывать гостям свою крепость. – Можем начать осмотр снаружи, как и строить её начинали. – Все вышли из ворот и пошли за Феодо-

ром вдоль рва, по кромке между рвом и частоколом. – Мы его не копали в прямом смысле, а пахали. Пустили сначала лошадей одна за другой – оралами прорывали травы: дёрн был такой мощный, что самые сильные лошади к концу круга уже не могли без отдыха идти на второй. Только после третьего прохода открылась уже чистая земля. Тогда мы пустили большие плуги с отвалами в сторону будущего вала. И начинали его насыпать сначала вручную, потом со стороны крепости устанавливали слуги с бороздами, а по ним с помощью лошадей втащивали на стену, которую продолжали выпаживать большими плугами. Вручную бы не управиться и за год. Каждый пласт земли утрамбовывали: я покажу чем. Здесь тоже без лошадей никак: трамбовщики мы утяжеляли валунами. Так мы подняли стену на эту высоту, равную глубине, на которую вырыли и ров – больше трёх маховых сажений. Когда и ров, и стена были готовы, между ними мы поставили частокол.

Самое главное – всё время дружинники были на стороже, поэтому первым делом мы на самых высоких деревьях посадили дозорных и меняли их каждый час, чтобы не примелькалась им степь. Глаз всегда должен быть свежий и зоркий.

А уже после возведения и закрепления частокола мы заполнили водой ров – прокопали небольшую смычку к реке и вода сама залилась буквально за какой-то час.

Тогда мы уже стали внутри обустраиваться. Первым делом сделали лестницы для восхождения на стену, помосты для бадей с водой, бойницы и прочее. А потом уже начали строить для себя: сперва жильё для всех, потом мастерские для всех потребных в крепости мастеров.

– И какой длины вы ров делали?

– А мы длиной его не заботились. Вдоль излучены шли. Так уж получилось в этом месте, что река в двух местах изгибается буквально к опушке, а потом снова уходит в степь. Вот мы эту излучину и огородили. Ну а уже по этому размеру и другие крепости ставим. Увидели, что как раз такого размера она и должна быть, чтобы вместить дружину и рабочий люд. Да лошадей. Да припасы. Ну, для припасов мы погребов большие вырыли. Ещё в самом начале, когда ров рыли. А землю тоже на стену взметнули. Теперь можем, – Феодор взглянул на Остромысла, нет ли у того каких вопросов, —вернуться внутрь и я сначала покажу вам, чем мы рыли рвы и чем трамбовали вал. Думаю, что и у вас такие орудия есть. А если нет, так их древоделы легко изготовят.

Все прошли в помещение, где были сложены все эти орудия. Их было мало, всего по несколько каждого вида, ибо основную часть Феодор повелел забрать на строительство новых крепостей, а здесь оставить лишь те, которые могут потребоваться для починки, если вдруг стену разрушат при нападении. Хотя нападений пока не было. Видимо, кочевники пытались понять, что это замыслили россы. Да и одно дело – нападать на мирных людей, хотя и пытающихся защищаться, а совсем другое – на вооружённую крепость, стены которой им одолеть будет весьма трудно.

– Из каждой крепости высылаются конные (а теперь и на колёсах) дозоры, которые обязательно встречаются с дозорами из соседних крепостей, так что крайне трудно будет теперь ордынцам проскочить никем не замеченными. А уж до селений наших они теперь точно нипочём не доберутся. Обязательно их дозоры заметят!

– А как сигналы между крепостями подаются? Тут расстояние между ними, даже посредине, по самой короткой линии – огромное. Какой сигнал будет услышан или увиден за пятнадцать вёрст?

– А давайте мы на башни сторожевые поднимемся: сами посмотрите, как далеко видно оттуда. Мы именно так и старались вознести башни, чтобы в случае одновременного на все крепости нападения сигналами всё-таки можно было обмениваться.

Пока поднимались, Феодор продолжал:

– Пока ордынцы далеко, пока в степи спокойно, дозоры, рассыпавшись по степени «гребешком», идут сразу в обе стороны, чтобы не дать ордынским разведчикам просачиваться

на эти земли. И при этом постоянно сигналы передают друг другу. А самый ближний разведчик всегда из крепости либо виден, либо слышен. Заметить ночью движущийся в степи факел легко. Как и днём заметить отблеск зеркала. Да не просто отблеск, а чередующиеся отблески, которые не могут быть случайностью. Я говорил уже, что у нас разработана целая азбука сигналов и её знают не только разведчики, но и все абсолютно вои. Но мы её постоянно меняем, на всякий случай. Кочевники ведь тоже не глупцы, могут заметить и запомнить. Ну и понять, что после какого сигнала происходит. И попытаться обмануть.

– Поведаешь нам, княже, об этой азбуке? – спросили князя, когда все они спустились с башни, подивившись, какая необозримая даль с неё просматривается. Очень далеко, но была в дымке видна и ближайшая, самая высокая, башня.

– Ну, конечно! – ответил Остромысл, – тем более, нам придётся впредь этими сигналами обмениваться. Вы ведь тоже начнёте крепости строить, так вам и понадобятся эти значения непременно.

Когда гости осмотрели все хозяйственные постройки, князь пригласил их осмотреть оружейное помещение.

Луки были не только маленькие, ручные, для воев, но и громадные самострелы, для установки на стенах крепости: они могли выстреливать такие огромные, с отягощёнными наконечниками, стрелы, что их вполне можно было сравнить с копьём.

– Лошадь убивает наповал, если попадает. А попадает непременно, потому что ордынцы обычно летят лавой, так что не в одну, так в другую обязательно попадёт. Сами самострелы у нас железные, с постоянно натянутой тетивой, так что остаётся только вложить стрелу и передвинуть вот эту ручку, чтобы натянуть тетиву: человеку это, самому сильному, будет трудно!

– Откуда такие самострелы?

– Мои молодцы придумывают сами! А теперь сюда: тут метальницы. Есть и небольшие, для установки на колесе, так что разведчик или дозорный, да и ратники вполне могут отбиться либо камнями, либо шарами. Вот эти, побольше, камнеметы с железной «ложкой» ставятся на стенах и применяются специально для горящих шаров. – Князь показал эти шары и объяснил их устройство. – Защитники стен обеспечены такими шарами возле каждой метальницы, так что остаётся только попадать ими в нападающих. А мои вои это умеют отлично!

Пойдём теперь на стены или тут продолжим смотреть?

– Давай пока тут.

– Тогда прошу сюда: тут у нас пищали: ордынцы их не имеют, а потому лошади их к звуку выстрела не привычные, пугаются сильно и моментально их лава превращается в «кашу». А если принять во внимание, что вои мои стреляют метко, то с потерей главаря лава весьма скоро обращается в бегство. А ведь у нас есть ещё пушки и кулеврины: стреляют ядрами, которые сносят что лошадь, что человеку туловище начисто. Такого оружия у ордынцев тоже нет: тяжёлое оно, для установки на стены отлично подходит, а вот на лошадях его далеко не увезешь. А если и увезёшь, то ведь ещё и ядра надо с собой везти. Так что такое вооружение им недоступно. У нас его, к большому сожалению, тоже пока не особо много, но мастера готовят запас, чтобы для всех крепостей хватило!

Князя восхищались, осматривали, расспрашивали, смотрели на устройство вооружений и на то, как каждое оружие действует и, конечно, хотели и себе такое же завести.

– Каждому из вас, – сказал Остромысл, – я замыслил передать по полному набору всего, чем вооружены мои крепости. Но не здесь, дабы не отнимать в такую даль привезенное у дружин, а в городище. Когда мы уезжали, я велел приготовить для каждого из вас полный набор образцов: по одному готовому и по одному не собранному. Вашим мастерам будет легко разобраться, как это изготовить и соединить до полной готовности.

– Откуда такое богатство, княже?

– Люди придумывают! Мастера мои придумывают. А кто придумает что дельное, тому награда богатая выходит: либо надел земли, либо деньги, либо украшения – кто что себе выбирает.

– Думаешь и наши смогут?

– А ваши разве не россы? Придумают! Просто объясните им, что от этого зависит их свобода и жизнь их самих и их семей, ибо если ордынцы налетят, то могила – ещё лучший для нас выход. А если в рабство угонят? Да ещё и предложите им награды за это, как послужившим Отечеству: обязательно напридумывают много чего.

– Добро! – князя и не сомневались в творческих возможностях своих людей, но захотелось подтверждение услышать.

– Ну что, пойдём на стены?

Поднялись на крепостной вал, тщательно там всё осмотрели, интересуясь каждой подробностью: что и как устроено, да почему именно так, а не иначе. Отвечали им и Остромысл, и Феодор, и стоявшие наготове вои, которым предстояло отражать нападение, если таковое случится. Но пока всё было тихо, поскольку и дозорные находились на башнях, и разведчики постоянно находились в степи, далеко в степи, охраняя и те крепости, которые ещё только строились.

– Кстати, хотели вы на новые крепости поглядеть. Так поедем? Но там всё сделано точно так же, как и здесь. Или всё-таки других бояр навестим, поглядим, как у них устроено.

– Негоже будет не навестить бояр. К ним сначала поедем. А новые крепости уже готовы?

– Не думаю, что полностью готовы. Эту строили в первую очередь, потому она и полностью обряжена. По такому же образцу строили крепости Броня и Мечеслава, а уже потом стали строить новые. Так что можно ехать либо к одному, либо к другому. Как повелите, гости дорогие?

– А новые крепости у кого первого строить начали?

– У Броня.

– Тогда к нему. А к Мечеславу уже на обратном пути завернём.

– Добро.

– И ещё одно, – сказал Остромысл. – Предлагаю, как домой вернётесь, прислать к моим мастерам на обучение своих. Образцы образцами, а как своим глазом мастер поглядит, так намного быстрее освоит науку самому такое же произвести.

Князя переглянусь.

– Ты удивляешь нас, княже, – откровенно сознался сосед с востока князь Гостомysl.

– Чем же? – удивился хозяин.

– Готовностью всем делиться. Согласись, что не было такого прежде между нами. Вроде и народ мы один, а вражда потихоньку тлела и недоверия никто не скрывал. Да его и не скроешь.

– Пора в этом точку поставить. Вечную точку. Мы братья, делить нам нечего. Помогать друг другу должны – всем, чем можем. Делиться всем, что имеем. Единным целым мы должны быть. Тогда не крепостями, единством нашим всяких врагов отпугнём. Одного побьём единой силой, другого, а третий уже сам остережётся, поглядев, что осталось от его предшественников. Бить будем так, чтобы осталось только мокрое место. А на мокром месте часто гниль заводится. Захочет кто в гниль превратиться – что же, мы всегда в этом врагам нашим поможем!

Побывав в крепости, управляемой боярином Бронем, гости воочию убедились, что и здесь всё устроено по образцу крепости, управляемой Феодором. Посему они решили, что нет смысла ехать к новым крепостям, которые ещё не готовы полностью ни одна: туда дальше приходилось доставлять древесину, да и речки там не было, а потому приходилось копать множество колодцев, искать родники, вода из которых заполняла бы крепостные рвы. Подумав,

что отрывать работный люд от работы лишь для удовлетворения собственного пустого любопытства: там ведь по тому же лекалу всё возводится, не стоит.

Посоветовавшись, после возвращения из крепости Мечеслава, гости назначили в завтрашний день отбыть обратно в городище. Сообщили о том князю, который, по обыкновению, пришёл разделить с ними вечернюю трапезу.

– Добро. Завтра возвращаемся. Только попрошу вас там задержаться немного. Есть ещё одно дело, но не мой тут секрет. Я только прошу вас немного погодить. Час или два погоды не сделают, а будет хорошо, если мою просьбу уважите.

– Уважим, конечно. Но в чём дело?

– Сами увидите, – князь сердечно улыбнулся и больше к этой теме не возвращался. Им и без того было, что обсудить. К примеру, князь Остромир, чьи земли располагались далеко на севере и прямого сообщения со степью не имели, захотел узнать, будет ли и ему дана возможность строить крепости. А если такая возможность будет, то как ему тогда с северными землями быть, коли они не окажутся единым целым с новыми землями?

– Я так мыслю, что это ты решишь и сам. Сыну оставишь, к примеру. А захочешь, чтобы все твои земли были едины, так те земли можно будет сделать достоянием единого нашего Государства Россов. Либо присоединить к землям одного из ближайших соседей. Тем более, что границ между княжествами, мыслю, быть не должно, а предстоит нам учредить единую границу вокруг наших общих земель.

Но над этим лучше подумать сначала тебе с твоими людьми, а уж что решите, то мы и примем.

В городище группа гостей, идя впереди возвращавшегося пустого обоза, вернулась ближе к вечеру. А наутро, как только развиднелось, ибо осень была уже на той поре, когда наступает её борьба с зимой, которая так и норовит заскочить коли не в двери, так в окно, в терем, где были размещены гости, постучали.

– Войдите!

Вошли сначала попарно двое юношей и две девушки, а за ними вступили княжич Ростислав и невеста его Верна, дочь боярина Феодора, у которой в руках был поднос, укрытый богато расшитым полотенцем, с караваем и солью. Это были жених и невеста, чью свадьбу предстояло сыграть сразу после Рождества.

– Милости просим – тебя, светлый княже, Творимире, тебя, светлый княже, Остромире, тебя, светлый княже, Славомире, тебя, светлый княже, Гостомысле, тебя, светлый княже, Гремиславе, тебя, светлый княже, Миродаре, тебя, светлый княже, Даниславе, тебя, светлый княже, Доброславе, – каждому новобрачные поклонились в пояс – почтить своим присутствием наш свадебный пир, который назначен быть после Крещения Господня, в первое воскресенье. И домашних ваших просим и всех людей, коих изволите с собою взять, прибыть на наше венчание.

– Так вон оно что за дело, из-за которого князь задержал нас! Доброе дело! Будем непременно!

Князья развеселились и подобрали: одно, что свадьба таких красивых молодых людей всегда приятна глазу и душе, второе, что можно было, наконец, полностью отринуть ту настороженность, которая, несмотря ни на что, всё ещё гнездилась в сердцах и подняла голову: было совершенно непонятно, что сулит им напоследок неожиданная и непонятная скрытность такого радушного и открытого человека, каким показывал себя до сего времени князь Остромысл.

Приняв приглашение и обещаясь непременно приехать на свадьбу, князья отбыли. Остромысл же велел готовить новый обоз с тем, чтобы сразу после Покрова отправить его к крепостям. Людей, поскольку сельские работы были завершены, брал втрое больше обычного – добровольцев, способных и готовых к тяжкому труду. А дабы не утомлять их трудной

дорогой перед великими трудами, повелел добавить к обозу несколько телег, на которые велел усадить людей. Сам он тоже собирался снова выехать с небольшим отрядом, чтобы посмотреть, как обстоит дело со строительством новых крепостей не только у Феодора, но и у других бояр.

На Покров, как и положено, выпал первый снег, но явно должен был ещё сойти. Князь надеялся, что бояре не забыли пустить пал по степи, дабы обезопасить дружины от набегов. Травы-то в степи вымахивают в два человеческих роста, так что служили неизменно отличным укрытием для кочевников. Надо их лишить возможности неожиданно налететь и причинить урон как людям, так и строительству.

На следующий после Покрова день обоз отправился. Был он более длинным, чем обычно – и припасов везли побольше, поскольку зимой и путь более трудный, и крепостей будет больше. Дорога была хорошей, подморозило и по твёрдому колеса катились веселее. Но взяли с собой и полозья, поскольку обратно, скорее всего, на колёсах ехать уже будет трудно. Везли зимнюю одежду для воев и работных людей: в степи ветра нешуточные, а пока там ещё леса вырастут да сады поднимутся, ветрам тем препон нет никаких. От щедрого урожая и продуктов везли поболее, чем обычно: пусть люди будут в сытости. А тепло уж самим придётся обеспечивать. Лес там близко, да и остаётся много отходов при изготовлении частоколов да при возведении зданий. Печники были отправлены ещё с предыдущими обозами, чтобы было чем обогреться да на чём еду готовить.

По хорошей дороге, хотя и тяжело груженный, обоз двигался быстрее обычного, так что, выехав на самом рассвете, к полуночи уже добрались до крепости Феодора, расположившейся прямо на дороге, уже наезженной, торной. Загнали обоз в крепость, предоставив разгружать назначенное этой крепости самим её обитателям. Всех же приехавших немедленно поместили в тёплые помещения и накормили после долгой дороги. А там и спать отправили. Даже князь Остромысл, только разменявший пятый десяток, могучий мужчина, утомился и был принуждён перенести разговор с боярином на утро. Феодор позаботился обо всём необходимом для княжеской трапезы и отдыха и удалился.

Войдя в горницу, он от неожиданности остановился:

– Ты откуда тут взялась?

– С обозом приехала, – ответила, уже повиснув у отца на шее, любимая дочь Верна.

– Но кто тебе позволил ехать?

– А брат Преслав. Он и велел людям нашим меня к себе взять и к тебе доставить в целости и сохранности.

– А мать что?

– Преслав ей скажет.

Феодор не мог сердиться на дочь, хотя внешне и показывал своё недовольство её своеволием.

– Не сердись, отец! Тебя так долго не было, ты ведь с самой весны домой не приезжаешь!

– Но я занят! Сама знаешь – крепости строим!

– Знаю! Но я больше просто не могла без тебя!

– А вот замуж выйдешь скоро, как без меня будешь?

– А я часто-часто буду в гости прибегать!

– До гостей ли тебе будет?

– Будет мне до гостей! Я обязательно буду прибегать, если ты не захочешь к нам придти!

Феодор промолчал. Не мог он больше сердиться. Но и оставить это так он тоже не мог.

– Ну и что с тобой делать прикажешь теперь? Ростислав знает, что ты с обозом уехала?

– Ему брат тоже скажет.

– Мы же завтра с князем новые крепости осматривать поедем, а тебя куда девать?

– А я с вами поеду.

Феодор охнул.

– А вдруг ордынцы нападут?

– А дружинники на что?

Он промолчал. Оставалось только уповать на то, что никакие ордынцы не нападут именно в то время, как они с князем к новым крепостям доберутся. Но если нападут – беды не миновать! Крепости ещё не готовы даже снаружи. Частокола только часть поставлена, а ров теперь слабая защита – замёрзла в нём вода. На один только вал и надежда. Да на сноровку воев.

Утром князь, с боярином и Верной (при виде которой Остромысл удивлённо приподнял бровь, но ничего не спросил и лишь ласково ответил на её приветствие), присоединился к обозу с брёвнами, отправлявшемуся к новой крепости, где ускоренно завершалась установка частокола. Люди князя держались по сторонам от него, охранение же обоза рассыпалось по степи, высматривая, нет ли где кочевников. Пока их не было.

Но беда их не миновала. Уже на самом подходе к крепости они, видимо, извещённые своими дозорными, решились напасть на недостроенную ещё крепость, увидев, что туда прибыл какой-то знатный человек.

Они не стали нападать на обоз, потому что князь и сопровождавшие его боярин с дочерью уже оказались внутри стен, а убить работников было бы трудно: их охраняла добрая сотня дружинников. Поэтому ордынцы ринулись на стену в тех местах, где ещё не было частокола.

Лёд не помог особо ни защитникам – ордынцы на замёрзшую поверхность рва бросили травяные настилы и по ним перебежали к валу без всякого урона, ни ордынцам, потому что коней им пришлось оставить хоть и под самыми стенами, у рва, но какое-то расстояние преодолеть на своих двоих, чего они терпеть не могли.

Вои начали стрелять ещё до того, как ордынцы преодолели ров, поэтому быстро росло число убитых и раненных выстрелами из всего оружия, которым располагали защитники, включая огненные шары. Но нападающих было столько, что тела убитых просто оставались на месте, остальная же масса неслась дальше и достигла-таки стены.

Наконец обоз был загнан внутрь крепости весь и ворота закрылись. К обороняющимся присоединилось больше сотни дозорных, охранявших обоз. Да и князь с боярином тоже не стали отсиживаться в тереме, а поднялись на стену. В том месте, где не было ещё частокола – а это было ещё около ста саженей стены – количество воев было удвоено, потому что ордынцы лезли друг другу по головам, чтобы только быстрее ворваться в крепость.

Верна, хотя ей было строго-настрого велено оставаться в горнице, не стерпела. Она надела на себя доспехи, приготовленные, видимо, для её брата Преслава, укрыла под шлёмом косу, взяла копьё и тоже пошла на стену. Но пошла туда, где стоял частокол и где кочевники нападали гораздо меньшим числом. Но ведь и там нападают, так что лишним – даже в её слабой руке – копьё не будет.

Верна нашла себе место меж двух дружинников, расстояние между которыми было, даже на её неопытный взгляд, слишком большим. Оба мельком на неё глянули, удивились, откуда появился этот младень, но и порадовались, что он появился, ибо чем больше защитников, тем надёжнее. Верна тоже порадовалась, что они не стали к ней присматриваться и выяснять, кто она (то есть младень) такая и почему появилась именно здесь. Копьё она держала в руке вполне уверенно, не единожды она не только смотрела на занятия Преслава, руководимого то опытными дружинниками, то самим отцом, но и сама иногда, уже под руководством Преслава, пробовала с копьём управляться. И это у неё неплохо получалось, хотя силы, конечно, были далеко не те, какие требовались копейщику.

В месте, где она оказалась, некоторое время было совершенно спокойно. Дружинников это спокойствие сильно тревожило: либо крепость уже где-то захвачена и вся орда устремилась внутрь, либо кочевники готовят какую-то каверзу, а потому следует быть особо бдительными. Они, опытные вои, оказались правы: буквально через миг на них просто-таки валом кинулись

кочевники. Дружинникам теперь тем более не было дела до Верны, у них самих дела хватало по горло.

Верна тоже насторожилась: странно, что ордынцы лезут именно туда, где есть дружинники, а там, где она, хоть бы одна голова показалась. Накликала она беду: тут же и вылезла из-за кольев страшная голова, а за ней и плечи. Ордынец, увидев Верну и мгновенно распознав в ней девушку, растерялся неописуемо: он-то ожидал увидеть вооружённого дружинника! Верна, однако, его удивления не разделяла: она-то как раз ожидала появления лютого врага. Благодаря тому, что ордынец от растерянности на какое-то время застыл без движения, она внимательно рассмотрела, что лицо его закрыто шлемом, что на плечах и на руках доспехи, а вот открытое место только одно. И с размаху она воткнула копьё в это единственное открытое место: прямо под подбородок, да с такой, как оказалось, силой, что он опрокинулся за вал, унося с собой в горле копьё Верны.

Немедленно дикий вой огласил подножье стены, такой лютой и громкий вой, какого даже опытные дружинники не слышали за всю свою боевую жизнь.

– Что случилось? – в один голос спросили у Верны оба, поскольку те ордынцы, с которыми дрались дружинники, почему-то не только ссыпались вниз со стены на всём её протяжении, но и взвыли так же отчаянно и дико, как и те, которые оказались в этом месте.

– Моё копьё в горле ордынца так и осталось, – посетовала она, – когда он со стены свалился. – Верна пожалала плечами, поскольку тоже ничего не понимала в происходящем!

– Знатный удар! А копьё вот – возьми другое!

Верна приняла копьё, кивком поблагодарив дружинника и снова изготовилась к нападению. Но нападение прекратилось. Не только в этом месте, но и вообще прекратилось. Дружинники, осторожно выглядывая из-за стены, вдруг увидели, что лава кочевников откатывается обратно в степь. А посередине лавы четверо всадников несут кого-то, явно убитого. Военачальника какого-то, наверное.

Увидев, что нападение закончилось, Верна быстро соскользнула со стены и тихонько примчалась в горницу, торопливо сбрасывая доспехи. Но не успела – вошёл Феодор, взбудораженный боем.

Заметив, что она всё ещё в кольчуге, он удивлённо воззрился на неё, догадываясь, что она отнюдь не отсиживалась в горнице.

– На стену ходила?

– Ходила.

– И что?

– Ордынца убила.

– Голыми руками?

– Нет. Копьём. Ударила его в горло. Он и свалился со стены.

– Так это ты их главаря на тот свет отправила?! Ай да дочь, ай да молодчина! Так одевайся и пойдём-ка со мной!

– Куда?

– На кудыкину гору! Пойдём, коли велю! Нет, кольчугу не снимай, шубейку только накинь.

Верна покорилась.

Быстрым шагом Феодор, за которым едва поспевала Верна, подошёл к центру крепостного двора, где стоял князь Остромысл со старшими дружинниками, защитниками крепости.

Убитых россов было всего шестеро, раненных десятка два, но при огромном количестве нападавших на ещё не достроенную крепость это было очень мало. Это была победа, хотя и купленная кровью.

– Приведите захваченных ордынцев, – велел князь. – Попробуем у них спросить, почему нападавшие откатились так внезапно.

Пленников, числом около десятка, надёжно скованных тонкими цепями, привели и поставили перед князем на колени. Оказалось, что он владеет их наречием и потому он тут же стал их спрашивать о чём-то. Выслушав их ответы, Остромысл так сказанному пленниками удивился, что его задранная в удивлении левая бровь так и застыла на лбу.

– Ничего не понимаю. – Он пересказал окружавшим его ратникам то, что ему ответили пленники. – Утверждают, что кто-то из защитников убил их вождя, не удержавшегося на своём месте руководителя битвы, но также ринувшегося в нападение вместе с рядовыми кочевниками. Видать, уж очень заманчивой целью показалась ему недостроенная крепость.

И сильно возвысив голос, так, чтобы его услышали и на стенах, князь спросил:

– Сознавайтесь, кто всадил копьё в горло ордынцу?

Все молчали, пока Феодор не поставил впереди себя Верну.

– Моя непокорная дочь, вот кто! Самовольно приехала с твоим обозом, самовольно в доспехи обрядилась, на стену взобралась и именно она тому ордынцу копьё, вбив в горло, «подарила»... А что?

– А то, что это был их самый главный начальник. Именно потому атака и прекратилась.

И внимательно стал глядеть на Верну.

– Непокорная, говоришь? Самовольница? Или, может быть, оружие в Руках Божиих?

Все молчали и лишь испытующе глядели на Верну, так что она зарделась, как маков цвет под столькими взглядами. Да и самоволие отрицать было бы смешно.

– Поведай-ка мне, дева, – велел князь, – почему ты решила в крепость ехать самовольно?

– Я не знаю. Очень по отцу соскучилась. Ужасно хотела его увидеть. Не устояла против искушения.

– Искушения?

Верна кивнула.

– Доброе, значит, искушение было. А ты не подумала, что тут набеги бывают? Что ты погибнуть могла?

– Не могла! Вон сколько воев вокруг!

Князь, не выдержав, засмеялся, да и дружинники захохотали в голос. Ну, боярская дочь, храбра же ты, вся в отца!

Отсмеявшись, князь вдруг поманил к себе старшего из той двадцатки воев, которых взял в сопровождение и что-то ему шепнул. Дружинник словно в воздухе растворился. Но, как оказалось, ненадолго.

А пока его не было, князь продолжал расспрашивать Верну, как она стояла на стене и что там происходило. Но тут вернулся дружинник и подал князю ларец.

– Подойди-ка ко мне, – велел он Верне.

Она подошла. Он развернул её на три четверти, так что лицом она стояла к воям и боком – к князю.

– Вы сами видите, братия, что иногда и слабая рука ребёнка – а ведь она по летам ещё ребёнок – может стать орудием Промысла Божия. Ведь я не верю в случайности – их просто не бывает! Во всём и всегда проявляется Воля Божия и следует эту Волю видеть и понимать.

Мы все стояли на стенах и мужественно защищали крепость. Но именно в том месте, где лез на стену самый главный вражина, оказалась эта дева. Именно её рукой остановил Господь эту орду!

Как считаете, верные мои братья, достойна она награды?

– Да! – громовой ответ в несколько сотен мужских глоток не позволял усомниться, что с князем согласны все.

– Быть по сему!

Старший дружинник подставил руки, на них князь поставил ларец и открыл его. И начал доставать оттуда драгоценности: браслет, серьги, литую цепь с большим зеленым камнем

и корону, в центре которой красовался ещё больший по размеру изумруд. Всё это было постепенно надето на Верну, так что, когда она взглянула на отца, тот не дочь перед собой увидел, а царственную княжну.

– Твоя это награда! Заслуженная! Носи её! Потомкам своим передай – это свидетельство твоей храбрости, твоего мужества! Истинно ты настоящая боярская дочь! Крикнем же ей «ура», друзья!

Троекратное «ура» прокатилось над степью, вспугивая всё живое, только-только приютившееся отдохнуть после грома боя.

И только теперь князь обнял Верну и тут же передал её в объятия отцу, глазам своим верившему с трудом...

В день внезапного налёта, день её внезапного геройства и последовавшего за ним награждения Верна уснула спокойно, но под самое утро приснился ей тот ордынец и спросил: зачем ты меня убила? Она ответила ему во сне: а ты зачем на нас напал?

На этом она проснулась. И проснулась совершенно другим человеком. До поездки в крепость это была веселая, всегда радостная девчушка, для каждого умевшая найти ласковое, доброе слово, умевшая рассмешить самых угрюмых людей, закружить хоровод, приветить как высокородных гостей, так и бедных странников... Но теперь она навсегда, казалось, потеряла готовность посмеяться и поболтать с каждым. Замолчала Верна и отныне каждое слово она будет произносить словно с трудом, не видя в нём никакой нужды. Зачем говорить, если можно обойтись кивком или взглядом.

Отец этого сразу не понял, но перемену заметил.

– Что с тобой приключилось?

Верна пожала плечами. Неужели и так непонятно? Не каждый день ордынцы нападают и не каждый день дочь боярина убивает их вождя. И не просто вождя, а самого главного в их народе, если можно их назвать именно народом, а не племенем. Пусть и очень многочисленным.

– А где твои награды?

Верна показала рукой на столик у изголовья, на котором стоял закрытый ларец.

– Они там?

Она кивнула: там, где же ещё им быть.

– Ты не заболела?

Она отрицательно кивнула головой.

– Что же ты молчишь, скажи хоть слово-то!

– Не хочется.

– Отчего?

Она только плечами пожала. Если бы Феодор знал слово, которым его потомки станут пользоваться через пять сотен лет, он произнёс бы с пониманием: «стресс». Но тогда такого слова в обиходе не было и потому он не знал, как определить состояние дочери, кроме как назвать это потрясением.

Это и было настоящим потрясением: когда она всаживала копьё в горло вдруг появившемуся ордынцу, она знала только одно: с обеих сторон дружинники отбиваются от толп кочевников, этого же видит и, значит, отогнать, может только она и никто, кроме неё. И она с размаху ударила его копьём в незащищённое место – чтобы наверняка! Думала она только о защите крепости, о том, чтобы не дать нападающим взобраться на стены. Она ведь его даже не ненавидела. Даже не боялась. Она просто считала, что они не должны приходить и убивать россов, а потом грабить всё, что было в их домах. Потому и ударила.

Для неё он был тот, кто нарушил законы – человеческие и Божьи. Те законы, по которым жил её народ, жили православные россы. Какие были (и были ли вообще) законы у ордынцев, ей было всё равно. А если и были, и повелевали нападать на мирных людей – тем хуже для

ордынцев и их законов. Ибо кто с мечом приходит, должен ожидать, что мечом его и встретят. Или копьём.

Но она была дева. Она была ещё ребёнок: ей-только-только сравнялось пятнадцать. Никогда прежде она не видела битв, не видела, как убивают врагов, да она и смерть видела только в благообразном обличьи, когда покойника уже срядят в последний путь. Либо привезут с поля боя, в полном воинском снаряжении. Сама же она и комара никогда не убила. А тут всё-таки человек, хотя и дикий.

Пролитая человеком кровь – чья бы то ни было – меняет её пролившего. Обязательно и неизбежно. Человек, даже врага убивший, никогда уже не будет прежним. И чем невиннее и чище была его душа до битвы, до пролитой крови, тем большее душевное потрясение человек испытывает, тем сильнее меняется.

Верна изменилась очень сильно. Настолько, что даже родной отец иногда сомневался, действительно ли это его дочь. Хотя знал точно, что это именно она! Нельзя женщинам быть на войне! Их высшая цель – дарить жизнь, лелеять эту жизнь, возвращать. Но не убивать. Женщина, убившая человека, переступает сразу несколько пролётов вверх: только там, в максимальной близости к Богу можно принести покаяние и получить прощение за прерванную жизнь. Или – вниз: превращаясь в злодейку и негодяйку, которой убивать понравилось.

Но таков был Промысел Божий: сразу ей повзрослеть на много лет, оставшись физически всё той же девочкой, невестой княжича Ростислава. Ведь скоро должна быть свадьба. Придет ли он её теперь такую, совершенно изменившуюся? Он ведь привык к тому, что она – всегда весёлая, задорная, смешливая, добрая, отзывчивая... А какой она стала теперь? Верна и сама этого не знала.

А тут ещё этот ларец с наградными украшениями. Плата за пролитую ею кровь. Как она будет их носить? А вот так и будет: как свидетельство того, что она способна убить. Пусть в бою, пусть защищая, пусть врага, но – способна. Ей придётся теперь жить с этим. И всем другим придётся жить с ней такой, способной быть воем.

– Отправить бы тебя домой, да обоз обратный нескоро пойдёт, недели через две в лучшем случае. Пока частокол не установим, всё лошади будут возить брёвна. Сюда их возить далеко, так что лошади заняты все. И люди заняты все. А ты не можешь ехать одна, даже верхом. Тебе надо дружинников давать для охраны. Придётся побыть пока здесь.

Верна кивнула: какая теперь разница, где быть. Она как здесь уже совсем другая, так и везде такой будет. А ордынцы теперь нападут вряд ли. Вождя-то их она убила. А новый пока со всем разберётся, пока новый набег замыслит, да пока всё организует... А и нападёт, отобьют, теперь-то во всех крепостях готовы, что набег могут быть. Все их и ждут. На вышках сторожевых дозорные каждые полчаса постоянно меняются. И не из-за холода даже, а чтобы глазом свежим смотреть постоянно в ту сторону, откуда кочевники могут налететь. Но налетят вряд ли. Нескоро налетят. Верна это откуда-то точно знала. Почему набега скоро не будет, она не знала, но зато точно знала, что его не будет. Траур у них, наверное.

Ей бы героиней себя чувствовать, награда вполне заслуженная. Но героиней она себя не чувствовала вовсе. И победительницей – тоже. Даже защитницей не чувствовала. Просто убийцей.

Так тяжело ей не было никогда. И она не знала, как с этим справиться. Хорошо ещё, что она, на всякий случай, взяла с собой молитвенник, это было очень кстати, молилась она теперь иначе, чем до этого шуточного бегства к отцу. Теперь молитва была ей единственным подспорьем, единственным выходом. Единственным спасением. Только в молитве она теперь могла вернуть себе – если это вообще когда-нибудь удастся – душевное равновесие и спокойствие.

Но отец волновался, надо бы его успокоить:

– Я подожду. Ты не волнуйся, всё хорошо.

Феодор недоверчиво хмыкнул, но возражений у него не нашлось.

– Здесь побудешь или по крепости со мной пройдёшься?

– Здесь.

И он ушёл: дел у него было невпроворот. Но весь день где-то на заднем плане ворочалась мысль о дочери: как она там, бедная девочка, а он ведь даже ничем ей помочь не может!

Глава 2

Замужество

– Я и взял-то с собой украшения эти, – как-то растерянно говорил князь Остромысл боярину Феодору, отцу Верны, за утренней трапезой, – лишь для того, чтобы посоветоваться с тобой, гожий ли будет дар для новобрачной. А оказалось, что это – награда героине! Совершенно для меня, да и, думаю, для всех, неожиданным оказалось это геройство невинной девы...

– Похоже, что оно оказалось неожиданным и для неё самой! – грустно ответил Феодор. – Уж очень она теперь расстроена, печалится, думает о чём-то, а как её утешить – ума не приложу!

– Не стоит утешать. Бесполезно, сам ведь знаешь. Ей самой придётся это прожить. Даже младни, подготовленные к ратному делу и предвидящие, что придётся убивать врагов, никогда первое такое сражение спокойно не переносят. Не любит Бог, когда кровь проливают. Хотя Он и велит Отчизну и други своя защищать, не щадя живота. Вот только иногда и голубицам юным доводится в боевые переделки попадать. А ведь, струсь она, окажись главный ордынец на стене, где дружинников-то оказалось всего двое, вполне могли бы ордынцы крепость нашу захватить! За главным своим вожаком они бы лезли до самой победы! Хотя я и не понимаю, отчего самый главный их вождь на приступ пошёл – видать, совсем у них беда наступила – но ещё того мне удивительнее, что вышел он прямо на Верну. А самое дивное, согласись, то, что она храбро сразилась с ним, как всякому россу и подобает: кто с мечом пришёл...

– Не её тут вина, а кочевников. Но ей от этого вряд ли легче.

– Это верно. – И помолчав, усилием воли сменил тему, добавив, что хочется ему съездить и в другие новые крепости: не только у самого Феодора, а и у других двух бояр.

– Неделя, полагаю, понадобится мне, самое малое, а то и полных две, чтобы побывать везде. А не побывать будет неразумно: за тем и ехал ведь, чтобы побывать. Может, помощь какая им требуется? А уж когда вернусь сюда окончательно, то уже тогда, после короткой передышки людям и лошадям, отправлюсь в городище. Вот тогда и дочь твою увезём домой. А пока пусть побудет здесь.

Феодор кивнул: о чём тут и говорить?

– Да, – уже сидя на коне, сказал князь, – совсем забыл предупредить со всеми этими переживаниями. Я хотел вас троих собрать перед отъездом, грамотами закрепить за каждым из вас те земли, которые ваши крепости будут охранять. А после вы уж сами будете их передавать тем, кто в новых крепостях будет главным. Им без земли ведь никак нельзя.

– Это правильно. И когда ждать сюда бояр?

– Если не застану их в новых крепостях, гонцов к ним пошлём, чтобы сюда прибыли недели через полторы.

Феодор кивнул: добро.

Проводив князя с отрядом, боярин пока отложил обход крепости – не сомневался, что и так везде всё в порядке – и пошёл навестить дочь. Верна грустила у небольшого окошка в светличке, которую он ей предоставил в своём небольшом тереме.

– Ты уже пила утренний чай? – не зная, с чего начинать разговор, спросил Феодор об обыденном.

– Да, батюшка.

– Как настроение?

– Как всегда.

– Ты, доча, не грусти уж так. Знаю, что убить, даже ордынца, напавшего на тебя, очень нелёгкое переживание. Все переживают. И я переживал. Тебе же должно быть ещё труднее. Но зато ты всех нас спасла.

– Я знаю, батюшка.

Все утешительные слова, которые мог бы ей сказать Феодор, были уже сказаны прежде – и им самим, и князем. И Верна соглашалась со всем тем, что они ей говорили, но легче ей не становилось.

– Больше не снится?

– Нет. Но я почему-то всё время, даже и когда не сплю, вижу эту струю крови, взлетевшую из-под моего копья. И хоть было то всего мгновение, а забыть не могу. И взгляд его растерянный...

– Воткни он копье в твоё горло, уж будь уверена, не смотрел бы растерянно. А как смотрел бы – уж сама догадайся. От неожиданности он растерялся: мощных воев, дружинников, ожидал увидеть на стене, а увидел тебя. Тут каждый растеряется. А уж что смерть он примет от твоей руки – того тем более он не ожидал. А кровь хлестнула – так из горла твоего или любого иного человека, ордынца или нашего ратника, точно так же хлестнула бы. Видно, ты в жилу ему попала. Но ты жалеть его не смей! Разве они хотя бы раз наших людей – не воев, нет, детишек наших да жён, да матерей с отцами – пожалели?

Не было у тебя выбора. И прав князь Остромысл: Сам Господь тебя в крепость привёл и в том именно месте на стене поставил. Не на кого больше было Ему возложить это дело. Так что смирись с Промыслом Божиим и живи, как Господом велено.

Верна кивнула. Придётся жить. Вот только как это сделать теперь, когда она чужинца этого помнит так, словно всё произошло миг назад. И удастся ли когда забыть? Или надеяться на то, что время когда-нибудь всё же засыплет это видение пеплом либо пылью?

– Князь, когда с объезда новых крепостей воротится, домой поедет. И тебя к матери отвезёт. Пора уж и к свадьбе готовиться. Студёный месяц (декабрь) быстро пролетит, а там и просинец (январь) наступит, а вслед за ним и свадьба. Ростислав, небось, тебя уже заждался. Да и мы с тобой не чаяли, что твой, как ты считала, забавный побег, окажется таким долгим и наполненным событиями...

Верна опять кивнула. Вид её печального лица будил в сердце Феодора желание усадить её, как в раннем её детстве, на коленку и обняв, на коленке этой покачать, мурлыча ей одну из боевых песен. Почему-то именно эти песни ей нравились больше всего.

Но большая она уже, не согласится на отцовой коленке качаться. А, может, песенки послушать всё же захочет?

– Послушай, Верна, князь уехал в новые крепости, так что трапезничать вечером мне будет не с кем. Разве с тобой? А хочешь, я тебе потом песен военных спою? Ты любила их когда-то...

– Приходи, – кивнула дочь.

Феодор мягко улыбнулся дочери и собрался выходить. Крепость надо обойти, у людей узнать, что и как с охраной стены да и с прочими делами... Но уже на пороге оглянулся:

– Может, тебе нужно чего? Я велю прислать.

Верна отрицательно покачала головой. Отец вышел и отправился в обход по мастерским да по отрядам дружинников. Дел ведь действительно множество. Нападут ещё раз, не нападут – не суть. Всё всегда должно быть готово к отражению нападения. Эта крепость ведь на первой линии обороны, а ещё далеко не всё готово. Ещё узнать бы, что в двух остальных делается, как продолжают там работы и не возникло ли каких нужд.

Так что Феодор первым делом пошёл к старшему дружины сигнальщиков – узнать, нет ли каких вестей из других крепостей. Вестей не было. Вернее, были, но это были вести обычные, о том, что всё спокойно и кочевников вблизи не видно. Ну, а коли так, то следует со всеми поговорить, может, нужды какие у людей возникли, пока князь в крепости гостил. Не до житейских хлопот Феодору было, всё это понимали, потому и дожидались, пока Феодор освободится.

– Князь недели через полторы-две воротится. А за это время, пока настоящие метели не начались, надо нам к зиме изготавиться. И первым делом частокол следует немедленно доделать.

– Там уже немного осталось. Со стороны степи уже всё поставлено, только в двух ещё местах остались прорехи, но люди работают все, даже некоторые из воев, кто силушкой не обделён, вызвались помогать. С самого рассвета обозы отправились в лес, а первый уже воротился и привезенные брёвна прямо с телег ставятся в частокол. Нападение стало самым лучшим погонялой. Люди и так не ленились, а теперь-то – тем более.

– Добро. А что с вооружением?

– Вооружение в исправности. И все трое кузнецов наших работают на износ: что было в сражении повреждено, уже починено и возвращено воям. А теперь они готовят новое: и пики, и копья, и пищали, и метальницы – да всё, что перечислять. У каждого мастера есть по два подручных, так что хотя и частокол важен, но и кузнецов без помощников оставить негоже.

– С припасами для боя как?

– Всё есть, боярин. Аль я зря тут поставлен?

– Ну, не ершись. Не спросил бы я, тоже счёл бы ты это неправильным. Разве нет?

Старший дружинник слегка ухмыльнулся.

– Как кони?

– Кони все накормлены, напоены, вычищены, все в конюшне. При них дежурные коноводы постоянно, так что с лошадьми всё хорошо.

– Что с запасами для людей?

– Месяца на два обеспечены отлично. Вдобавок к тем запасам еды, что присланы с обозом, лесорубы наши ещё нескольких оленей да кабанов уложили. Сейчас поварня занимается их разделкой и заготовкой.

– Коптят?

– Не только. Я в это не вмешиваюсь, старшему их доверяю. Он отлично знает, что ему каждый божий день нужно кормить несколько сотен здоровых молодых мужчин. Пока на него нареканий не было ни от кого. Аль у тебя есть нарекания?

– Нет. А водой мы обеспечены хорошо?

– А как же! Колодцев у нас выкопано аж пять, под стенами, да посредине двора – главный, самый большой. Водоносы поварню водой обеспечивают непрерывно.

– Ну, давай сходим, своим глазом на всё и на всех поглядим. Может, есть какие просьбы у кого, либо недостача в чём возникла.

Феодор вернулся с обхода крепости очень поздно. Настолько, что первым делом спросил у младня, оставленного при Верне для исполнения её поручений, не легла ли она ещё. Младень ответил, что нет. И нет, от вечери отказалась. Отца ждёт.

– Так и сказала, что ждёт?

– Так и сказала. Когда я у неё спросил, подавать ли.

– Сам-то ты поел?

– Да, я поел. Мне принесли я и поел. Делать всё равно нечего. Ничего мне боярышня делать не велела, ни за чем не посылала, так и бездельничаю весь день.

– Не бездельничаешь, а терем охраняешь.

Младень грустно ухмыльнулся – так-то оно так, только что тут охранять, внутри крепости. Свои-то не станут в терем ломиться.

– Ладно, вели трапезу подавать, а я к ней. Туда пусть несут.

Младень радостно кивнул и умчался со всех ног. Феодор ещё до светлицы не дошёл, а его уже как ветром сдуло.

Феодор успел стукнуть в двери Верниной светлички только один раз, а дверь уже распахнулась.

– Прямо у двери ждёшь?
– Нет. Но твои шаги издали слышно.

– Да, тут такая тишина, что и мышь пробежала бы, так был бы грохот. А я всё-таки в воинском облачении. На всякий случай.

– Дай Бог, чтобы случая этого не было больше.
– Дай Бог.

Феодор помолчал:

– Ты хоть обедала?
– Не хочется.

– Негоже голодом-то сидеть. Сейчас вот трапезничать будем вместе. Я, признаться, и умаялся изрядно, и оголодал весьма. Хотя днём с воями и трапезничал, но дел невпроворот, так и не заметил, что ел и забыл, что. А зато мы частокол завершили, теперь в нём ни единой щёлочки не осталось! Завтра ещё стену поправим, где кочевники порушили при нападении, да прочие укрепления усилим от греха.

– Да ты садись, коль умаялся.
– А и то, чего это я стою?

Не успела Верна поудобнее устроить отца и усесться за столом сама, как примчался младень с едой. Стучал он осторожно, видимо, носком сапога, чтобы не уронить всего, что было у него в руках.

Верна хотела подняться не только затем, чтобы открыть младню дверь, но и помочь ему.

– Не надо, – остановил её Феодор, – он и сам отлично управится. Обучен сей младень, – продолжил отец вполголоса, дабы не баловать юное поколение излишними похвалами, – по высшей мерке. Князя обслуживал и нареканий не вызвал ни разу.

Верна пожала плечами и осталась сидеть. Младень споро и ловко накрыл на стол, вихрем вылетел в дверь и буквально тут же вернулся с кипящим самоваром. Но и помимо чая было чем запить обильную еду: и сбитни, и квасы, и морсы, и мёды, и водицы, и сыворотка с изюмом, и уваренный капустный сок, и кипрейный чай. Феодор и пил с удовольствием, да и ел споро – действительно оголодал. Верна же только для виду ковыряла в тарелке, посему еда у неё не особо убывала. Заметив это, отец огорчился, но не сказал ничего: дева уже взрослая, негоже ей замечания по пустякам делать. Бывают такие состояния, что ничего в рот не лезет. Придёт в себя, успокоится, снова будет есть как обычно.

Верна пыталась за отцом ухаживать, но младень был расторопнее и сноровистее: успевал подать Феодору потребное ещё до того, как боярин успевал попросить. Умел, действительно был великолепно обучен.

Потом, когда боярин насытился, всё было убрано, кроме самовара, фруктов да сладостей. Младень вышел, кивком показав, что будет за дверью. То есть появится мгновенно, если в нём возникнет какая нужда. Феодор кивнул, мол, понял, а пока иди.

Феодор устал, но вроде бы и поговорить с дочерью надо. Верна словно прочитала его мысли.

– Ты, батюшка, иди отдыхать. В другой день мне споёшь. Умаялся ведь, не до песен тебе нынче.

– И то. Пойду. Повидались и слава Богу. Умаялся я сегодня сильно, хотя и доволен всем сделанным.

– Завтра поговорим.

– Тогда пойду к себе. Завтра день тоже будет не особенно лёгким. А ты спи сладко, да сны только хорошие пусть снятся.

Феодор перекрестил дочь, поцеловал в волосы и ушёл к себе. Отдохнуть надо, завтрашний день с собой принесёт трудов не меньше.

Верна после его ухода не легла, спать ей совсем не хотелось. Да и боялась она спать, боялась, что снова явится во сне ордынец с неизменным своим вопросом. И она снова проснётся словно заледеневшая, снова будто что-то умрёт в её сердце, снова кто-то замкнёт её уста и высушит глаза так, что она и плакать не сможет от ужаса.

Потому Верна надеялась, что если ляжет попозже, совсем изморенная, то и снов не будет вовсе. Будет короткое забытьё, в которое снам не прорваться. Но наступало не забытьё, а именно сон. И видения сонные были, когда она, совершенно устав, всё-таки легла, но были эти сны поначалу добрые, светлые, из детства, когда она никакого ещё горя не знала. Из тех давних-предавних времён, в которых она была невинной и радостной девочкой. Которые она почти позабыла с тех пор, как случился самый первый на её памяти набег.

Правда, набег этот жители городища отбили с самыми малыми для себя потерями, пострадали только самые крайние дома: не угадали ордынцы со временем налёта, как раз все дружинники были на месте и при полном вооружении. Дозорные, служба которых не прерывалась никогда, увидели толпу кочевников издалёка и немедленно ударили в набат: колокола были установлены на всех сторожевых вышках.

На стены тогда высыпали не только дружинники, но и вообще всё мужское население: помогать отбивать нападение. Да и женщины кинулись на подмогу – оружие да припасы подавать, раненных немедленно уносить да раны перевязывать. Всем миром, в общем, налёт кочевников, отбивали. И отбили. Ордынцы же понесли такой урон, что ушли только чудом. Княжеская конница было ринулась их догонять, но отогнав версты на две от селения, повернула обратно, опасаясь засад и ловушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.